

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 49.

Воскресенье 28 Ноября.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. Ф. А. Валтера, І. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. І. Петражицкаго и В. М. Устинова.



Содержаніе: 1) Идея законности. — 2) Краткій очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Екатеринбургскаго окружнаго суда. — Барона А. А. Медема. 3) Вступленіе въ подданство иностранной державы. — К. Шаврова. 4) Парижскія письма. — В. Б. 5) Судебные отчеты. 6) Хроника. 7) Юридическія общества: І. Кіевское, ІІ. Курское. 8) Библиографія: П. Шиловскій. Судебные очерки. Вып. І, СПБ. 1899 г. — В. Д. Набокова. 9) Судебная и судебно-административная практика. 10) Справочный отдѣлъ на обложкѣ.

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Идея законности.

Основнымъ условіемъ здоровья всякаго общественнаго организма, какова бы ни была его индивидуальная структура и прочія условія его жизни, является наличность и неуклонное дѣйствіе права, ясно и опредѣленно указывающаго каждому члену общества его обязанности и права и гарантирующаго ихъ осуществленія. Это—такая аксіома, о которой люди, разсуждающіе о дѣлахъ государственной политики или принимающіе активное участіе въ сихъ важныхъ дѣлахъ, обыкновенно не говорятъ, и которой они въ своихъ политическихъ программахъ въ видѣ особаго пункта не выставляютъ и даже совсѣмъ не упоминаютъ. Такое отношеніе вполне естественно и понятно, если упомянутое условіе есть на лицо, такъ что на очереди стоятъ и главное вниманіе возбуждаютъ другіе болѣе спеціальныя вопросы, разныя желательныя частныя реформы и улучшенія.

Иного отношенія къ себѣ требуетъ упомянутое положеніе въ томъ случаѣ, если соотвѣтственное необходимое условіе благосостоянія и жизненнаго развитія общественнаго организма въ большей или меньшей степени отсутствуетъ,— вслѣдствіе ли того, что дѣйствующіе законы этому условію и требованію не соотвѣтствуютъ, или вслѣдствіе того, что законы недостаточно дѣйствуютъ за отсутствіемъ надлежащаго развитія уваженія къ праву и правамъ, законности въ субъективномъ смыслѣ, или, наконецъ, вслѣд-

ствіе того, что существуютъ и, конечно, взаимно потенцируютъ свое тлетворное дѣйствіе, и тотъ и другой отрицательные факторы.

Тогда упомянутое элементарное требованіе общественной гигиены можетъ и должно занять особое мѣсто въ программѣ cadaго государственнаго мужа и общественнаго дѣятеля вообще на ряду съ другими пунктами, каково бы ни было ихъ содержаніе и направленіе, консервативное или либеральное, индивидуалистическое или социальное и т. п.

Мало того, возможно такое положеніе дѣла, при которомъ этотъ пунктъ программы получаетъ такое значеніе, что все остальное отступаетъ на задній планъ и ступшевывается—не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы могли исчезнуть разныя спеціальныя задачи и требованія и могла прекратиться необходимая для ихъ осуществленія дѣятельность, а въ томъ особомъ смыслѣ, который имѣютъ государственно-политическія программы.

Возможно такое положеніе дѣла, при которомъ этотъ пунктъ программы перестаетъ быть однимъ изъ пунктовъ, а дѣлается цѣлою программою, долженствующею объединить всѣхъ благо-мыслящихъ и благо-желающихъ людей, какія бы инныя спеціальныя цѣли и задачи имъ ни казались особенно цѣнными и достойными того, чтобы стремиться къ ихъ рѣшенію въ будущемъ.

Если они только желаютъ блага тому обществу, среди котораго они дѣйствуютъ, то

прежде всего они должны желать излечения общественного организма от того недуга, который самъ по себѣ есть серьезное зло, причиняющее безчисленные страданія, точно также какъ, напр., въ случаѣ голода, эпидеміи и т. п. ближайшею задачею всѣхъ, а не только, напр., либераловъ или консерваторовъ, является борьба съ этимъ зломъ.

Но, далѣе, большинство болѣзней не только потому заставляютъ откладывать въ сторону разные другіе пункты программы дѣятельности, требуя прежде всего леченія, что онѣ причиняютъ страданія, представляютъ сами по себѣ зло, но еще (и главнымъ образомъ) потому, что онѣ являются помѣхой для всякой успѣшной дѣятельности, каковы бы ни были ея цѣль и направленіе. Къ числу такихъ болѣзней принадлежитъ и тотъ общественный недугъ, о которомъ идетъ рѣчь. Это даже слишкомъ слабо сказано. Надо сказать такъ: подобно тому, какъ параличъ есть именно такая болѣзнь, которая по специфическому существу своему „парализуетъ“ по мѣрѣ своего распространенія дѣятельность органовъ или всего организма, такъ и тотъ общественный недугъ, о которомъ мы говоримъ, парализуетъ по мѣрѣ своего дѣйствія всякую положительную дѣятельность, лишаетъ силы и значенія самыя благія начинанія и превращаетъ всякую положительную программу, не направленную прежде всего на устраненіе этой основной помѣхи для всякой успѣшной дѣятельности, въ пустую фразу.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь существо этого недуга въ томъ состоитъ, что тотъ планъ дѣйствія, та воля (преслѣдуетъ ли она консервативныя или либеральныя, политическія или экономическія цѣли), которая имѣетъ или получаетъ рѣшающее значеніе въ смыслѣ государственно-политической программы и воплощается въ законахъ, на дѣлѣ не осуществляется или искажается въ тѣмъ большей степени, чѣмъ сильнѣе упоминаемая болѣзнь политическаго тѣла.

Всякій сознательный консерватизмъ, желающій неизмѣннаго осуществленія основныхъ началъ существующаго строя, долженъ принять во вниманіе, что эти основныя начала въ той мѣрѣ лишаются силы и дѣйствительнаго осуществленія и принуждены довольствоваться болѣе или менѣе призрачнымъ существованіемъ, въ какой мѣрѣ отсутствуютъ условія и гарантіи дѣйствительнаго господства законовъ.

Всякій сознательный либерализмъ долженъ принять во вниманіе, что не только та мѣра свободы, правъ личной неприкосновенности, хозяйственной свободы и т. д., которая уже воплотилась въ законахъ государства, осуществляется на дѣлѣ именно въ той мѣрѣ, въ какой дѣйствительно господствуетъ начало законности, но что и всякія дальнѣйшія реформы въ томъ же направленіи для успѣха своего

дѣйствія предполагаютъ то же условіе, при отсутствіи же его не получаютъ надлежащаго осуществленія или вообще не осуществляются.

Это ясно и въ области экономическихъ программъ и мѣропріятій.

Только поверхностный умъ можетъ ожидать всякихъ экономическихъ благъ, достиженія экономического благосостоянія и расцвѣта, отъ разныхъ специальныхъ народно-хозяйственныхъ или финансовыхъ программъ и мѣропріятій, пока не положенъ прочный фундаментъ для всякой экономической дѣятельности каждаго органа народнаго хозяйства, а этотъ фундаментъ состоитъ въ опредѣленности и обезпеченности правъ и обязательствъ, безъ чего немислима и обезпеченность хозяйственнаго плана и его исполненія, немислима безстрашная и увѣренная предпримчивость, немислима жизнерадостная трудовая энергія и т. д.—такіе факторы, которые имѣютъ большее значеніе, чѣмъ плодородіе почвы или атмосферическія явленія, и отсутствіе которыхъ является настоящею причиною и тѣхъ народныхъ бѣдствій, которыя, повидимому, происходятъ отъ неблагоприятныхъ атмосферическихъ явленій или т. п.

Въ сравненіи съ этими невидимыми и невѣсомыми, но имѣющими громадный вѣсъ въ народной экономіи, факторами — блѣднѣетъ блескъ и вѣсъ золотой валюты; въ доставленіи народной промышленности воздуха и свѣта законности заключается несравненно болѣе существенное, прочное и здоровое покровительство, нежели покровительство путемъ предоставленія лишней (сверхъ экономически обоснованной) прибыли одной отрасли труда насчетъ другой или путемъ разныхъ т. п. сепаратно-административныхъ дѣйствій и воздѣйствій. Превращенія и улучшенія въ этой области, даже скромныя и частичныя, какъ, напр., превращеніе административной политики усмотрѣнія въ акціонерномъ и биржевомъ дѣлѣ въ прочный правопорядокъ, представляютъ нѣчто несоизмѣримо болѣе цѣнное и органическое, нежели тѣ единичныя превращенія, которыя называются конверсіями или т. п. мѣры, имѣющія громкія названія и возбуждающія большое вниманіе потому, что они происходятъ на поверхности народнаго и государственнаго хозяйства, а не въ скрытомъ для поверхностныхъ наблюдателей фундаментѣ его.

Никто не отрицаетъ, конечно, необходимости, значенія и цѣнности разныхъ сепаратныхъ и административныхъ мѣропріятій, и если такую политикою руководить выдающійся администраторъ, то его дѣятельность можетъ приносить большую пользу; но люди, а тѣмъ болѣе министры, не вѣчны, ихъ взгляды, усмотрѣнія и распоряженія быстро смѣняются другими, можетъ быть, противоположными; несравненно болѣе прочный и цѣнный слѣдъ въ жизни народной оставляетъ ихъ государственная му-

дрость и энергія, поскольку она направляется не на поверхность народного хозяйства, а на правовой фундаментъ его, и дѣйствуетъ не путемъ единичныхъ механическихъ воздѣйствій, а путемъ органическихъ реформъ.

Имѣемъ мы въ виду не только матеріальныя и экономическія послѣдствія, а и болѣе существенныя и долговѣчныя—культурныя и этическія. Совсѣмъ иные результаты этого, невѣсомаго, но вѣскаго, рода получаютъ въ томъ случаѣ, если люди приучаются къ ожиданію и выпрашиванію помощи и подачекъ свыше, если земледѣльцамъ дается милостыня въ видѣ даровыхъ или болѣе дешевыхъ, чѣмъ это экономически обосновано, капиталовъ или въ видѣ послабленій и помощи специально тѣмъ, которые не исполняютъ принятыхъ обязательствъ, а представителямъ иныхъ отраслей промышленности—еще большіе подарки въ видѣ положительныхъ прибавокъ къ экономически обоснованной прибыли, взятыхъ изъ кармана другихъ гражданъ, такъ что разыгрываются аппетиты и разгораются страсти, не усмиримыя, а только раздражаемыя примѣняющимися иногда холодными душами—совсѣмъ иные культурные результаты получаютъ отъ такой политики единичныхъ и временныхъ подачекъ свыше разнымъ отдѣльнымъ категоріямъ предприятий, нежели въ томъ случаѣ, если упрочивается правовой фундаментъ всего народного хозяйства и каждаго изъ многихъ миллионныхъ частныхъ хозяйствъ, если люди приучаются надѣяться не на подарки, а на собственную энергію и трудъ, но надѣяться твердо и съ увѣренностью, что въ своей хозяйственной дѣятельности въ предѣлахъ закона они не встрѣтятъ произвольныхъ помѣхъ и нарушеній, что тѣ плоды труда и вообще то благополучіе, котораго они достигли своею дѣятельностью, имъ гарантированы прочнымъ правопорядкомъ и застрахованы отъ произвольныхъ воздѣйствій.

И не только характеръ и этика предпринимателя и всякаго гражданина получается иная, а и развитіе интеллекта получаетъ иное направленіе. Не требуется большого напряженія мысли и развитія технического остроумія и вообще хозяйственного ума для того, чтобы выпрашивать подачки, идти туда, гдѣ онѣ даются въ наибольшемъ размѣрѣ, и, если несмотря на обиліе даровъ и поддержки все-таки затѣянное въ расчетѣ на нихъ и устроенное кое-какъ для скорой и легкой наживы дѣло прогораетъ, вызывать опять о помощи и обвинять въ недостаточномъ покровительствѣ; напротивъ, успѣшно развивается и расцвѣтаетъ и интеллектуальная (тоже весьма важная) сторона предпринимчивости, если конъюнктура и хозяйственная дѣятельность вообще движется и развивается на твердой и поддающейся плановому расчету почвѣ: съ одной стороны незыблемаго правопорядка, съ другой стороны законовъ природы и вытекающихъ

изъ нихъ правилъ техники, а равно законовъ и дѣйствительныхъ потребностей народного хозяйства и вытекающихъ изъ нихъ конъюнктурныхъ соображеній.

Въ этихъ моментахъ коренятся указанія для истинно экономической и истинно культурной хозяйственно-правовой политики.

И опять слѣдуетъ отмѣтить:

Начало законности, въ особенности развитіе законности въ субъективномъ смыслѣ, укрѣпленіе уваженія къ нормамъ общежитія, къ своему правовому долгу и къ чужому праву, должно быть девизомъ всякаго экономиста, къ какой бы школѣ экономической онъ ни принадлежалъ, слѣдуетъ ли онъ завѣтамъ манчестерской школы или радикально противоположнымъ лозунгамъ, или же разнымъ *mediae sententiae* въ духѣ А. Вагнера или т. п. Разница можетъ состоять только въ томъ, что представитель манчестерской школы долженъ настаивать на законности, между прочимъ, и для того, чтобы дать индивиду гарантію правъ и твердую почву для его не стѣсняемой произволомъ самодѣятельности. Другіе же экономисты должны еще болѣе настаивать на законности и требовать, такъ сказать, потенцированной законности для того, чтобы могъ правильно функционировать на общественномъ началѣ построенный механизмъ народного хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе хозяйственный строй удаляется отъ индивидуалистическаго начала, чѣмъ болѣе въ него вводится публично-правового элемента по началамъ „соціальной политики“ („государственнаго социализма“) или т. п., тѣмъ высшая степень законности, тѣмъ большее уваженіе къ правовому долгу предполагается въ участникахъ такого хозяйства, тѣмъ нестерпимѣе была бы жизнь безъ этого предположенія, тѣмъ болѣе общественный элементъ означалъ бы элементъ невыносимаго деспотизма и не прогрессъ личнаго и общественнаго благополучія, а паденіе его. Индивидуалистическое начало по самому существу своему даетъ просторъ свободному движенію индивида, а движущею силою развитія благосостоянія является собственный интересъ каждаго. Общественное же начало въ экономіи опирается на исполненіе правового долга и ограничиваетъ свободное движеніе индивида, причемъ это ограниченіе является рабствомъ, поскольку господствуютъ не нормы права, а личный произволъ.

Къ счастью, политическая энономія въ новое время начала постепенно проникаться сознаніемъ того, что она имѣетъ дѣло съ правомъ, что въ основѣ ея теоретическихъ положеній лежатъ правовыя посылки, а хозяйско-политическіе постулаты есть правовыя требованія; чѣмъ болѣе это сознаніе и пониманіе распространится и углубится, тѣмъ болѣе безусловнаго согласія можно ожидать отъ экономистовъ съ выставленнымъ выше положеніемъ. Такой особой подготовки для надлежащей оцѣнки на-

чала законности не требуется для тѣхъ, которые имѣютъ дѣло такъ сказать непосредственно съ известными постулатами общественно-правового строя; слѣдуетъ только обратить вниманіе на это начало и вникнуть въ его смыслъ.

Мы уже указали выше, что интересующее насъ элементарное требованіе общественной гигиены и условіе развитія получаетъ, несмотря на свое всеобщее значеніе въ качествѣ общественно-политической аксіомы, весьма различное значеніе въ качествѣ программы общественной дѣятельности, смотря по степени своего осуществленія въ дѣйствительности: оно можетъ вполне резонно вовсе не упоминаться въ программѣ дѣятельности, вполне уступая мѣсто разнымъ спеціальнымъ требованіямъ, можетъ составлять важный пунктъ программы на ряду съ другими; можетъ, наконецъ, составить и цѣлую программу, и притомъ единственно резонную программу, поскольку дѣло идетъ о дѣйствительно актуальной и сознательной программѣ, а не о маниловскихъ размышленіяхъ и красивыхъ фразахъ безъ серьезной готовности служить общему благу и способствовать своею преданностью, энергіею и трудомъ доставленію обществу того, въ чемъ оно прежде всего, теперь, нуждается.

Поэтому въ данномъ вопросѣ нельзя оглядываться на другихъ, нельзя довольствоваться заимствованіемъ ходячихъ лозунговъ изъ литературы другихъ странъ, а слѣдуетъ самостоятельно оцѣнить положеніе и сообразно съ этимъ избрать редакцію программы общественной службы.

Никто не станетъ утверждать, независимо отъ того, къ какому лагерю онъ себя причисляетъ, что уваженіе къ правовому долгу и къ правамъ, идетъ ли дѣло о частно-правныхъ обязательствахъ и правахъ или о публично-правовомъ долгѣ, о своемъ ли или чужомъ правѣ, о правахъ частныхъ лицъ или государства, какъ такового или какъ казны,—достаточно глубоко проникло въ психику народныхъ массъ въ Россіи и разныхъ отдѣльныхъ составныхъ элементовъ народа, а равно что и система положительно права, поскольку дѣло идетъ о ясномъ и опредѣленномъ распределеніи правъ и обязанностей и вообще о правовыхъ условіяхъ неуклоннаго соблюденія нормъ права, достигла достаточной степени удовлетворительности. Достаточно вспомнить столь невѣроятный, но дѣйствительный фактъ, что въ литературѣ идетъ споръ относительно права, по которому живетъ или должно жить около 75% населенія, а именно о томъ, существуетъ ли это право вообще (обычное крестьянское право), при чемъ даже и вѣрящіе въ существованіе болѣе или менѣе развитой системы этого права не утверждаютъ, чтобы оно доставляло достаточную положительную нормировку, исключало произволъ въ практикѣ волостныхъ судовъ и т. д. Точно также кажется

нѣтъ такого юриста въ Россіи, который бы въ 1 ч. X т. видѣлъ достаточно полную нормировку гражданскихъ правъ прочей части народонаселенія. Равнымъ образомъ никто не станетъ утверждать, что исполнители публичнаго права, въ особенности низшіе органы администраціи, т. е. главная масса наиболѣе близко соприкасающихся съ населеніемъ органовъ, удовлетворительно соблюдаютъ свои правовыя обязанности и въ досточной мѣрѣ уважаютъ и соблюдаютъ права государства и частныхъ лицъ, а равно и того, что подлежащіе томы свода законовъ, тѣ многочисленные и многословные уставы и т. п., которые въ совокупности составляютъ такъ называемое „полицейское право“, представляютъ такую систему административнаго права, которая ясно, точно и опредѣленно регулируетъ устанавливаемая ею обязанности и права, прочно охраняетъ ихъ исполненіе и вообще воплощаетъ въ себѣ досточныя объективныя условія для осуществленія законности...

Особенно картина провинціальной правовой жизни, а тѣмъ болѣе жизни отдаленныхъ мѣстностей, представляется подчасъ довольно неприглядною и можетъ подать поводъ къ пессимизму, подкопать энергію и нравственные силы и тѣхъ людей, которые начинаютъ здѣсь службу обществу или государству съ твердою вѣрою, лучшими намѣреніями и жизненною бодростью, разочаровать ихъ и превратить ихъ въ филистеровъ или и въ нечто худшее.

Весьма необходимо и возможно такое уясненіе существа болѣзненныхъ явленій и метода ихъ постепеннаго, но вѣрнаго устраненія, которое дало бы разумную, крѣпкую и здоровую нравственную почву для дѣйствительно плодотворнаго служенія общему благу, освѣщая и облегчая жизненный путь, указывая прямой выходъ изъ лабиринта затрудненій и помогая нравственно превозмочь разныя невзгоды силою свѣта культурнаго будущаго. Программа *органической культурной работы на почвѣ идеи правового государства* не вызываетъ миражей и картинъ волшебныхъ и мгновенныхъ превращеній, но тѣмъ болѣе достойна того, чтобы о ней серьезно призадуматься.

Краткій очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Екатеринбургскаго окружнаго суда.

Окончаніе ¹⁾.

Дѣятельность суда опредѣляется какъ по числу разсмотрѣнныхъ дѣлъ, такъ и по числу засѣданій: общихъ, судебныхъ и распорядительныхъ. Общихъ собраній отдѣленій за всѣ 25 лѣтъ было 1,091 или въ среднемъ на годъ по 44 засѣданія. Дѣятельность же угол. отдѣленій выразилась въ 5,835 распор. и 7,269 судебныхъ засѣданій при чемъ число первыхъ въ послѣднее десятилѣтіе значительно возрасло. Изъ ука-

¹⁾ См. „Право“, № 47.

заннаго же выше числа суд. засѣданій съ участіемъ пр. засѣдателей было 5,465, а безъ участія 1,804 засѣданія, но количество засѣданій второй категоріи за послѣднее время значительно возрасло на счетъ засѣданій первой. Изъ общаго числа 22,994 рѣшенныхъ дѣлъ, не считая рассмотрѣнныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ, 12,139 составляютъ дѣла съ участіемъ пр. засѣдателей, а остальные 10,855 безъ участія, но распредѣленіе ихъ по годамъ далеко не одинаково. Наибольшее количество дѣлъ съ пр. засѣдателями падаетъ на 80 годы, а затѣмъ значительно понижается. Дѣла же безъ участія присяжныхъ, если откинуть дѣла о бродяжествѣ, за послѣднее время, напротивъ, увеличиваются, что зависитъ какъ отъ свойства возникающихъ дѣлъ, такъ и отъ измѣненія подсудности по нѣкоторымъ видамъ преступленій. Изъ общаго числа дѣлъ, поступившихъ въ судъ для рѣшенія по существу, 2,130 дѣлъ прекращено за смертью обвиняемыхъ, по давности и Всемилоствѣйшимъ манифестамъ, но почти половина всего количества за примиреніемъ или неявкою частнаго обвинителя по дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія.

Число дѣлъ, переданныхъ судомъ на рѣшеніе другаго состава пр. засѣдателей, было всего лишь 37, большинство которыхъ (24 дѣла) падаютъ на 80 годы.

Ходатайствъ о помилованіи со стороны суда было 11, изъ нихъ по двумъ дѣламъ за 70 годы, а по остальнымъ въ періодъ 80 годовъ.

Взысканій за неявку въ суд. засѣданія было наложено 683 на свидѣтелей и экспертовъ, а на пр. засѣдателей 256, и большинство этихъ взысканій падаетъ на 80 годы, что и понятно, въ виду большаго количества производившихся дѣлъ. За нарушение же служ. обязанностей изъ числа пр. засѣдателей за все время было подвергнуто взысканію лишь 2 лица.

Суд. засѣданія происходятъ какъ въ Екатеринбургѣ, такъ и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ округа суда и въ Н.-Тагильскомъ заводѣ. Сессіи въ Екатеринбургѣ бывають по 7 разъ въ годъ и продолжаются отъ 6 до 10 засѣданій, а въ остальныхъ пунктахъ не болѣе 6 засѣданій съ участіемъ пр. засѣдателей, такъ какъ дѣла безъ ихъ участія разматриваются въ тѣ же выѣзды суда, но въ началѣ сессій, вслѣдствіе чего пр. засѣдатели вызываются на нѣсколько дней позже. Выѣздныхъ сессій суда ежегодно бываетъ по 6 въ Н.-Тагильскомъ заводѣ и г. Шадринскѣ, по 4 въ Камышловѣ и по 3 въ годъ въ Ирбитѣ и Верхотурьѣ; но судомъ возбуждено ходатайство о назначеніи двухъ выѣздовъ суда вмѣсто Верхотурья въ Богословскій з., въ видахъ удобства населенія того района, и съ будущаго года предположеніе это, вѣроятно, осуществится.

Но, независимо отъ разрѣшенія дѣлъ по существу, судомъ было рассмотрѣно въ своихъ распор. засѣданіяхъ 3,721 дѣло по пререканіямъ о подсудности, жалобамъ на дѣйствія суд. слѣдователей и чиновъ полиціи и по другимъ частнымъ вопросамъ. И сверхъ того въ теченіе 25-лѣтняго періода рассмотрѣно 34,797 дѣлъ, предложенныхъ суду для прекращенія, по недостатку уликъ, собранныхъ противъ заподозрѣнныхъ лицъ, необнаруженію виновныхъ или другимъ причинамъ. Такихъ дѣлъ на каждый годъ въ отдѣль-

ности падаетъ по 1,392 дѣла, а на 100 дѣлъ, рѣшенныхъ по существу, по 151 дѣлу.

Число всѣхъ предв. слѣдствій, произведенныхъ суд. слѣдователями, было 93,415 и, такимъ образомъ, на каждый годъ въ среднемъ выводѣ приходится 3,737 слѣдствій, изъ числа которыхъ $\frac{3}{4}$ дѣлъ поступило чрезъ прокурора въ судъ, а остальные переданы на разрѣшеніе единоличныхъ судей и въ другія вѣдомства. На каждаго же суд. слѣдователя въ отдѣльности въ среднемъ выводѣ за годъ приходится по 133 слѣдствія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что число предв. слѣдствій, возникающихъ за послѣднее 10-лѣтіе, значительно менѣе предшествующаго времени.

Переходя, затѣмъ, къ рассмотрѣнію дѣятельности суда по гражд. его отдѣленію, находимъ, что оно имѣетъ по 2 засѣданія еженедѣльно, а въ канікулярное время по одному. Всѣхъ засѣданій было 1,920 и рѣшено за это время 6,879 дѣлъ исковыхъ, 22,904 дѣлъ охранительныхъ, а также по разнымъ частнымъ вопросамъ и жалобамъ, и сверхъ того 1,050 дѣлъ прекращено производствомъ и окончено миромъ, такъ что на каждый годъ дѣятельности суда приходилось 286 дѣлъ исковыхъ и 1,022 дѣла остальныхъ категорій. Но количество дѣлъ въ гражд. отдѣленіи за послѣдніе годы значительно увеличилось, что объясняется какъ общимъ увеличеніемъ и развитіемъ имущественныхъ отношеній на Уралѣ, такъ, въ частности, большимъ количествомъ возникшихъ, особенно за послѣднее время, дѣлъ о взысканіи убытковъ со стороны лицъ, получившихъ увѣче на заводахъ и пріискахъ, производившихся бесплатно, на правѣ бѣдности, по неимѣнію исцами средствъ на веденіе этихъ дѣлъ. Общая цѣна исковъ, предъявленныхъ въ судѣ, составляла 25 милліоновъ, и на общее число производившихся въ судѣ дѣлъ 80 проц. присуждено сполна, 15 проц. отказано и 5 проц. удовлетворено лишь отчасти.

Сверхъ 6,848 рѣшеній по существу, судомъ постановлено 24 тысячи опредѣленій по разнымъ частнымъ вопросамъ. Число поданныхъ въ суд. палату апелляціонныхъ жалобъ было 1,079, а частныхъ лишь 479, что на 100 рѣшеній по существу составляетъ 16 проц., а частныхъ опредѣленій всего лишь 2 проц.

Дѣятельность суд. приставовъ за послѣднее десятилѣтіе выразилась во взысканіи по 15,000 исполнительныхъ листовъ и 2,000 торговыхъ производствъ, цѣнностью предъявленныхъ исполнительныхъ листовъ свыше милліона рублей ежегодно, причѣмъ дѣятельность суд. приставовъ значительно увеличилась съ 1894 года, послѣ введенія института земскихъ начальниковъ и городскихъ судей и уничтоженія вмѣстѣ съ тѣмъ судебныхъ приставовъ мировыхъ съѣздовъ.

Въ нотаріальный архивъ, не считая крестьянскихъ данныхъ, поступило 17,800 дѣлъ. Данныхъ по выкупу было въ производствѣ 6,215. Взыскано за все это время крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ 1.982,302 рубля.

Изложенныя цифровыя данныя дѣятельности Ек. суда естественно вызываютъ сравненіе съ дѣятельностью другихъ окружныхъ судовъ.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, только что изданнымъ мин. юст. за 1894 годъ, въ который дѣятельность Ек. суда была сравнительно слабѣе многихъ

других годовъ, онъ изъ числа 79 судовъ Имперіи занимаетъ 13-ое мѣсто, причемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что всѣ первые 12 судовъ значительно больше Екатеринбургскаго по численности своего личнаго состава. Сравнивая число осужденныхъ за важнѣйшія преступленія, находимъ, что Екатеринбургскій судъ занимаетъ 1-е мѣсто среди всѣхъ остальныхъ судовъ по числу осужденныхъ за преднамеренное убійство, за убійство родителей, по дѣламъ противъ женской чести и вооруженную кражу. Изъ второстепенныхъ же нарушеній Ек. судъ занимаетъ также первое мѣсто по дѣламъ противъ порядка управленія и о бродяжествѣ. За послѣдніе же пять лѣтъ Ек. судъ въ отношеніи количества разрѣшенныхъ имъ дѣлъ и труда, падающаго на судей, въ связи съ общимъ пониженіемъ преступности по Имперіи, занимаетъ среди всѣхъ судовъ Имперіи 2—4-ое мѣсто, уступая въ этомъ отношеніи лишь судамъ Московскому, Кіевскому, Подольскому и Нижегородскому. Особенность дѣятельности Ек. суда заключается еще въ томъ, что въ силу своего географическаго положенія и крайняго различія между отдѣльными мѣстностями округа суда, въ немъ изумительное разнообразіе дѣлъ и живая работа его мало имѣетъ общаго съ монотонною дѣятельностью многихъ другихъ судовъ центральной Россіи, которые нерѣдко оперируютъ съ какою-нибудь сотней статей уложенія о наказаніяхъ, между тѣмъ какъ дѣятельность Ек. суда настолько разнообразна, что въ его практикѣ не встрѣчались лишь весьма немногія преступленія.

Общіе ежегодные расходы на Ек. судъ составляютъ 214,570 рублей, изъ числа которыхъ 175 тысячъ содержаніе личнаго состава, 13,500 рублей содержаніе чиновъ канцеляріи и канцелярскіе расходы, 1,960 р. отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ зданія и содержаніе его въ чистотѣ, 6,500 рублей путевые расходы лицъ суд. вѣд. и 17,000 р. на выдачу вознагражденія вызываемымъ въ судъ свидѣтелямъ, экспертамъ и другимъ лицамъ, которыхъ было вызвано въ судъ за 25-лѣтній періодъ: болѣе 100 тысячъ свидѣтелей и до 2000 экспертовъ.

Судъ помѣщается въ казенномъ зданіи, купленномъ и приспособленномъ затѣмъ для надобностей суда. Но зданіе это мало помѣстительно, имѣетъ массу самыхъ существенныхъ недостатковъ и, подвергаясь въ теченіе 25 лѣтъ существованія суда лишь частичному ремонту, нуждается въ капитальныхъ передѣлкахъ, къ которымъ и будетъ приступлено съ весны будущаго года, такъ какъ необходимая для ремонта зданія суда сумма уже отпущена въ размѣрѣ 49 тысячъ рублей послѣ личнаго осмотра зданія суда министромъ юстиціи, статсъ-секретаремъ Н. В. Муравьевымъ, посѣтившимъ Екатеринбургъ въ 1897 году.

Разсматривая общую дѣятельность Ек. суда за 25 лѣтъ его существованія, нельзя не признать изъ изложеннаго, что условія, его сопровождающія, весьма тяжелы и неблагоприятны, вызывая у судебныхъ дѣятелей крайнее напряженіе силъ и большую нравственную отвѣтственность, лежащую въ существѣ судейскихъ обязанностей. Но если такъ тяжела эта дѣятельность въ настоящее, сравнительно, благоприятное время, то какова же она была въ первые годы существованія суда.

Личный составъ суда былъ въ то время значительно меньше, а количество дѣлъ больше и не только числомъ, сколько по существу и запутанности, въ значительной мѣрѣ зависѣвшей отъ того, что дѣла были начаты давно, при условіяхъ бумажнаго, а не гласнаго суда; сами обращающіяся въ судъ лица или вызываемые свидѣтели боялись суда, неохотно являлись по его требованію и упорно скрывали извѣстныя имъ обстоятельство, чтобы тѣмъ избѣжать вызова въ судъ. Присяжные засѣдатели тяготились своими обязанностями и, не чувствуя себя хозяевами предлагаемыхъ на ихъ рѣшеніе дѣлъ, прислушивались къ чужимъ мнѣніямъ, и, принимая ихъ на вѣру, болѣе формально относились къ своимъ обязанностямъ. Если же принять при этомъ во вниманіе, что угол. сессіи суда въ первые десять-пятнадцать лѣтъ его существованія продолжались не мене 3-хъ недѣль съ однимъ составомъ пр. засѣдателей и, начинаясь ежедневно въ 10 ч. утра, часто оканчивались далеко за полночь, то нельзя не признать, что такія засѣданія были крайне тяжелы какъ для пр. засѣдателей, такъ и для засѣдавшихъ вмѣстѣ съ ними коронныхъ судей.

Эти тяжелыя условія въ настоящее время окончательно миновали.

Угол. сессіи въ Екатеринбургѣ, пр. засѣдатели котораго состоятъ въ значительной мѣрѣ изъ горожанъ или болѣе обеспеченныхъ заводскихъ жителей, продолжаютъ не болѣе 10 дней, въ остальныхъ же пунктахъ отъ 4 до 6 дней, и при этомъ засѣданія эти, за малыми исключеніями, оканчиваются къ 3—4 часамъ дня; продолжающіяся же за полночь или захватывающія слѣдующій день всѣ наперечетъ и составляютъ ничтожное количество общаго числа засѣданій. И хотя общее количество дѣлъ, назначенныхъ на одно засѣданіе, значительно больше, чѣмъ въ первые годы дѣятельности суда, но это не увеличиваетъ продолжительности засѣданій, такъ какъ огромное большинство пр. засѣдателей, исполнившіе свои обязанности по нѣскольку разъ, вполне освоились съ ними и не затрудняются скорымъ разрѣшеніемъ дѣла, да и судебная техника значительно усовершенствовалась.

Коснувшись института пр. засѣдателей, этого основнаго камня судебного строя и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшаго украшенія гласнаго суда, пріятно засвидѣтельствовать серьезное, крайне внимательное и добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, а также полную ихъ солидарность съ коронными судьями, что замѣчается послѣ перваго же судебного засѣданія, выражаясь непосредственнымъ участіемъ пр. засѣдателей въ производствѣ суд. слѣдствія и предложеніи во время его дѣла ряда бытовыхъ вопросовъ, ясно указывающихъ, что они относятся къ своимъ обязанностямъ далеко не формально, съ желаніемъ лишь поскорѣе уйти изъ суда, а вполне проникаясь важностью этихъ обязанностей и хорошо понимая свою роль и значеніе при отправленіи угол. правосудія. Воспитательное значеніе суда пр. засѣдателей громадно, ярко выразившись въ 25-лѣтній періодъ жизни Ек. суда не только пониженіемъ общей преступности и количества возникающихъ дѣлъ, но и самыми способами совершенія преступленій, въ значительной мѣрѣ утратившими тотъ звѣрскій характеръ, которыми они сопровождались въ первые

годы дѣятельности суда. И если такія проявленія еще встрѣчаются, то лишь какъ исключенія, уничтожить которыя одинъ судъ присяжныхъ засѣдателей, особенно въ такой, сравнительно незначительный періодъ времени, естественно не можетъ.

Справедливость требуетъ далѣе сказать, что дѣйствія Ек. суда находятся въ полной солидарности со всѣми другими сопредѣльными вѣдомствами, взаимно поддерживающими другъ друга, причѣмъ ближайшіе сотрудники суда—чины полиціи, проникнутые лучшими намереніями, съ полнѣйшею готовностью содѣйствуютъ задачамъ суда, быстро и умѣло исполняя всѣ обращаемыя къ нимъ требованія.

Но все это достигнуто, конечно, годами; первые же дѣятели суда находились въ совершенно иныхъ, менѣе благопріятныхъ, условіяхъ, и подавленные массой труда, часто мало производительнаго, буквально изнемогали подъ его бременемъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствовать имъ приходилось среди населенія, мало подготовленнаго къ воспріятію великихъ задачъ гласнаго суда, правящіе классы котораго относились къ нему не вполне дружелюбно, чувствуя съ введеніемъ новаго суда утрату царившаго произвола и права сильнаго.

Наличность этихъ условій налагаетъ на насъ обязанность благодарною памятью обратиться къ этимъ пионерамъ судебного дѣла, всецѣло вынесшимъ на своихъ плечахъ непосильный трудъ, а особенно въ первые годы своей дѣятельности, съ тѣми неминуемыми столкновеніями и шероховатостями, которыя присущи всякому новому дѣлу. Въ этомъ отношеніи главный трудъ выпалъ на долю перваго предсѣдателя суда А. Г. Бутакова, открывшаго судъ 25 лѣтъ тому назадъ, организовавшаго его и руководившаго имъ въ теченіе 20 лѣтъ, по день своей смерти, послѣдовавшей 4 декабря 1894 года.

Мы всѣ хорошо помнимъ этого справедливаго, высококчестнаго и гуманнаго судью.

Покойный Андрей Григорьевичъ былъ большимъ знатокомъ судебного дѣла, и хотя онъ не былъ юристомъ по образованію, но недостатокъ этотъ въ немъ былъ мало замѣтенъ, благодаря его природному уму, примѣрному трудолюбію и широкому самообразованію. Отличаясь деликатностью въ частныхъ отношеніяхъ и никогда не стѣняая своихъ сослуживцевъ въ высказываемыхъ ими взглядахъ, онъ вполне соотвѣтствовалъ типу судьи, какимъ понимали его и желали воплотить въ жизни составители судебныхъ уставовъ.

Изъ ближайшихъ сотрудниковъ его, судей перваго назначенія, въ Екатеринбургскомъ судѣ остались лишь товарищъ предсѣдателя суда Р. В. Бейтлеръ, занимавшій со времени открытія окружнаго суда въ Екатеринбургѣ должность члена суда, члены суда М. К. Кетовъ и С. Ф. Петровъ, служившіе въ то время судебными слѣдователями, а также суд. слѣдователь В. Г. Москвинъ, ближайшіе и живые свидѣтели жизни Екатеринбургскаго суда съ перваго дня его существованія, положившіе на процвѣтаніе его свое здоровье и лучшія силы. Остальныхъ же судебныхъ дѣятелей 1-го назначенія уже нѣтъ въ Екатеринбургѣ, нѣкоторые изъ нихъ получили новыя должности, а другіе уже умерли. Потери эти особенно стали замѣтны въ послѣднее время, ибо въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ те-

кущаго года Ек. судъ лишился двухъ своихъ членовъ— Н. А. Чернавина и А. С. Кодинскаго и городского судьи М. С. Гавриленко, умершихъ одинъ за другимъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Празднуя двадцатипятилѣтіе открытія суда и желая увѣковѣчить этотъ день, судебные дѣятели Ек. суда въ полномъ своемъ объемѣ съ прокуратурой, адвокатурой, нотариатомъ, суд. слѣдователями и гор. судьями, а также поч. мир. судьями всего округа суда, на ежемѣсячныя отчисленія изъ своего содержанія и опредѣленные взносы со стороны лицъ, не получающихъ такого содержанія, пожелали поставить въ залѣ угол. засѣданій суда бронзовый бюстъ незабвеннаго творца судебныхъ уставовъ Государя Императора Александра II, державной воли Котораго суды въ настоящемъ ихъ видѣ, съ участіемъ въ нихъ присяжныхъ засѣдателей, обязаны своимъ существованіемъ. Пусть этотъ свѣтлый образъ Царя-Освободителя напоминаетъ, при отправленіи судейскихъ обязанностей, великіе завѣты Его „творить судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ“.

Независимо отъ постановки бюста, въ ознаменованіе 25-лѣтія Ек. суда предположено, указаннымъ выше способомъ, учредить нѣсколько стипендій въ Ек. гимназіяхъ и реальномъ училищѣ для освобожденія отъ платы за право ученія дѣтей бѣднѣйшихъ лицъ судебного вѣдомства округа Екатеринбургскаго суда.

*Предсѣдатель Ек. окр. суда,
баронъ Медемъ.*

Вступленіе въ подданство иностранной державы.

Статья 325 улож. о нак. представляетъ рельефный примѣръ архаичности нашего кодекса. Постановленіе, заключающееся въ ней, противорѣчитъ началамъ индивидуальной свободы лица. Только наше законодательство сохранило стѣнительныя условія для перехода въ иностранное подданство и наказывало самовольный переходъ. Увольненіе изъ русскаго подданства, по дѣйствующему праву, совершается съ особаго Высочайшаго соизволенія, испрашиваемаго министеромъ внутреннихъ дѣлъ черезъ комитетъ министровъ. (Учр. Совѣта и Ком. мин., ст. 32, прим. 2). Но если таковъ взглядъ нашего законодательства, то, казалось бы, необходимо было привести въ соотвѣтствіе ему и нормы уголовного закона. А между тѣмъ при категоричности текста 325 ст. оказывается, что статья эта стоитъ въ полномъ противорѣчій съ этимъ взглядомъ, такъ какъ, хотя она какъ будто и наказываетъ самовольное вступленіе въ подданство иностранной державы, и даже очень строго, что, конечно, не соотвѣтствуетъ значенію этого проступка, но на самомъ дѣлѣ угроза, заключающаяся въ ней, представляется мертвой. Примѣненіе ея исключается постановленіями уст. угол. суд. и воен. судебного, не допускающими заочныхъ приговоровъ: первый—по дѣламъ, влекущимъ, между прочимъ, лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а второй—по *всѣмъ* дѣламъ.

Несовмѣстимость ея съ современнымъ порядкомъ судопроизводства признана въ литературѣ. Такое мнѣніе

было высказано Борицкимъ въ статьѣ его, помѣщенной въ Суд. В. 1876 г. №№ 239 и 240, а также профессоромъ Будзинскимъ (Юр. Вѣстн. 1885 г., № 10, стр. 312—317). Это признаетъ и Лохвицкій (курсъ, изд. 2, стр. 417). Какъ видно изъ рѣшенія Сената по Общ. Собр. 1878 г. № 21, и практика низшихъ судовъ держалась иногда такого взгляда. Однако, Сенатъ посмотрилъ на дѣло иначе и призналъ постановленіе судебной палаты съ прекращеніемъ дѣла о принятіи иностраннаго подданства и самовольномъ возвращеніи потомъ до разсмотрѣнія обвиненія въ судѣ „незаконнымъ“. Практика главнаго военнаго суда (рѣш. 1884 г. № 160) послѣдовала, повидимому, за Сенатомъ.

Тѣмъ не менѣе, едва ли въ дѣйствительности когда нибудь была примѣнена эта статья¹⁾, такъ какъ Сенатъ не могъ отмѣнить окончательно постановленія судебной палаты, а, слѣдовательно, оно воспріяло силу, и виновный не былъ наказанъ.

Также мало даетъ для разъясненія вопроса и рѣшеніе главнаго военнаго суда: рѣшеніемъ этимъ былъ отмѣненъ приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Ригѣ, которымъ виновное лицо было присуждено по 2 ч. 325 ст. ул. къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; главный военный судъ нашелъ неправильнымъ примѣненіе 2 ч. 325 ст. ул., указавъ, что она можетъ быть примѣняема лишь въ случаѣ возвращенія въ Россію послѣ присужденія подлежащимъ судомъ къ наказанію, опредѣленному въ 1 ч. 325 ст. того же улож. Какой затѣмъ послѣдовалъ приговоръ,—неизвѣстно, но, вѣроятно, не по 1 ч. 325 ст. улож., такъ какъ, понятно само собой, нельзя же было суду наказать изгнаніемъ побѣгъ нижняго чина со службы. Надо думать, что онъ и былъ оправданъ судомъ по обвиненію въ самовольномъ принятіи чужаго подданства.

Однако, Сенатское разъясненіе существуетъ, и случаи вступленія въ подданство иностранной державы не прекращаются, — поэтому вопросъ о примѣнимости ст. 325 улож. не праздный.

Главное положеніе, принятое Сенатомъ относительно 325 ст., это признаніе, что 2 ч. ея безусловно не примѣнима къ лицу, возвратившемуся въ Россію до постановленія о немъ приговора. Это совершенно правильно, такъ какъ буквальный текстъ статьи 325 условіемъ примѣненія 2 ч. ставитъ „самовольное *потомъ* возвращеніе въ Россію“, т. е. послѣ присужденія подлежащимъ судомъ по 1 ч., и никакимъ толкованіемъ къ иному выводу придти нельзя. Такимъ образомъ, условіе примѣненія 2 ч.—наказаніе судомъ по 1 ч. Но примѣнить первую часть возможно, по точному ея тексту, не возбуждающему сомнѣнія, лишь въ то время, когда виновное лицо находится за границей. А въ это время приговоръ надъ нимъ невозможенъ по процессуальнымъ основаніямъ, а если такъ, то нельзя примѣнить и 2 ч. 325 ст., потому что и самъ Сенатъ толкуетъ въ этомъ смыслѣ постановленіе этой части. Логически мы должны придти къ такому выводу, — и всякій другой выводъ

будетъ противорѣчить буквальному и ясному смыслу закона. При такихъ условіяхъ никакая аналогія немислима, и иное толкованіе не будетъ соответствовать закону. Что постановленіе 325 ст. улож. слѣдовало бы измѣнить для возможности наказанія самовольнаго принятія подданства или внести въ уст. уг. суд. и военно суд. уст. соответствующія процессуальныя правила, хотя въ томъ видѣ, какъ это установлено сепаратнымъ указомъ 25 апрѣля 1850 г. для выходцевъ, русскихъ подданныхъ, изъ царства польскаго,—это дѣло законодателя, но не суда, который, при ясности постановленій, не можетъ допустить толкованія во вредъ подсудимому, вопреки основному правилу толкованія закона.

Правильность нашихъ соображеній о несомѣстности 325 ст. съ процессуальными правилами доказывается лучше всего существованіемъ особаго постановленія для царства польскаго, гдѣ дѣйствуетъ специальный порядокъ заочнаго установленія виновности самовольно отлучившагося за границу. (Рѣш. угол. деп. сен. 1886 г. № 36). Изъ существованія этого особаго порядка явствуетъ, что для судовъ другихъ частей Имперіи такого порядка не существуетъ. Проанализируемъ рѣшеніе Сената и съ другой стороны. „Очевидно,—аргументируетъ Сенатъ,—что время возбужденія уголовнаго преслѣдованія не можетъ имѣть значенія при опредѣленіи состава преступленія, означеннаго въ 325 ст. ул., наличие котораго обусловливается тѣми признаками, кои установлены въ законѣ, и что, поэтому, допущенное палатой толкованіе 325 ст., имѣвшее своимъ послѣдствіемъ освобожденіе К. отъ преслѣдованія по обвиненію въ нарушеніи вѣрноподданческаго долга и присяги, лишено законнаго основанія. Что же касается вопроса о томъ, какая часть 325 ст. должна быть примѣнена къ дѣянію К., то представляется *несомнѣннымъ*, что К. подлежалъ преслѣдованію по 1 ч. означенной статьи“. Допустимъ на время, что виновный, по толкованію Сената, подлежалъ отвѣтственности по 1 ч. Такое толкованіе Сената можетъ быть понимаемо двояко: или что судъ, сославшись на 1 ч. 325 ст. ул., долженъ примѣнить все-таки ссылку на поселеніе, какъ можно видѣть изъ словъ Сената въ томъ же рѣшеніи, что будто бы „ссылка на поселеніе“—послѣдствіе наказанія, указаннаго въ 1 ч. статьи, въ случаѣ возвращенія въ Россію,—или же наказать *изгнаніемъ изъ Россіи*, согласно точному смыслу 1 ч. ст.

Разберемъ первое положеніе. Прежде всего, никакъ нельзя согласиться съ Сенатомъ, что ссылка въ Сибирь—*послѣдствіе* наказанія. По терминологіи нашего уложенія, лишеніе правъ—послѣдствіе ссылки на поселеніе, а вовсе не ссылка—послѣдствіе лишенія правъ. А слѣдовательно, санкція 2 ч. 325 ст. ул. есть самостоятельное наказаніе, примѣняемое къ повторному преступленію послѣ осужденія по 1 ч. И противное сему толкованіе объясняется лишь желаніемъ Сената устранить ненаказуемость нарушенія вѣрноподданческаго долга; однако, толкованіе это, основанное на игнорированіи нашей карательной системы, недопустимо. Поэтому и ссылка на поселеніе въ этомъ случаѣ примѣняема быть не можетъ. Наконецъ, если бы таковъ былъ смыслъ 325 ст., то исчезла бы всякая разница между 1 и 2 ч., и совершенно не-нужно было бы Сенату доказывать, что не-

¹⁾ Мнѣ извѣстенъ лишь одинъ случай примѣненія этой статьи военнымъ судомъ (Р. Гл. В. С. 1871 г. № 148), но рѣшающаго значенія случай этотъ не имѣетъ, такъ какъ подсудимый, по совокупности преступленій, былъ приговоренъ къ смертной казни.

обходимо примѣнять не 2, а 1 ч. 325 ст.; между тѣмъ Сенатъ особенно настаиваетъ на примѣненіи 1 ч.

Съ другой стороны, примѣнить санкцію 1 ч., т. е. вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ государства, представляется прямо немислимымъ при современныхъ международныхъ отношеніяхъ, какъ это вѣрно замѣчаетъ профессоръ Будзинскій въ указанной статьѣ (ст. 314). Профессоръ Будзинскій приводитъ два случая изъ судебной практики, когда виновные были приговорены къ изгнанію, причемъ и оказалось, что приговоры не могутъ быть исполнены. Одинъ, именно, потому, что ни прусскія, ни австрійскія пограничныя власти не желали пропустить осужденнаго,—и онъ былъ помилованъ. Въ другомъ случаѣ ревизующая инстанція отмѣнила приговоръ низшей инстанціи и признала осужденнаго виновнымъ лишь въ тайномъ переходѣ границы. Поэтому категорически можно сказать, что приговоръ объ изгнаніи исполненъ быть не можетъ. Затѣмъ, изгнаніе съ лишеніемъ правъ, какъ наказаніе уголовное, должно было бы поглощать наказанія исправительныя; поэтому, если такой явившійся въ Россію, совершилъ рядъ преступленій, караемыхъ исправительными наказаніями, то, переѣхавъ границу, и затѣмъ, по принятіи иностраннаго подданства, вернувшись въ Россію, онъ, по правиламъ о совокупности преступленій, подлежалъ бы лишь изгнанію, т. е. получалъ бы освобожденіе отъ всякаго наказанія. Таково послѣдовательное примѣненіе взгляда Сената. Еще большей представляется невозможность примѣненія этого наказанія, если осужденный бѣжалъ изъ военной службы. Допустить исполненіе приговора по отбытіи военной службы и наказанія за побѣгъ—это, значить, допустить бытность на службѣ лишеннаго всѣхъ правъ, что противорѣчитъ уст. о воинск. пов., не допускающему этого. Изгнать тотчасъ же—это освободить отъ военной службы, для чего и дѣлается обыкновенно этотъ переходъ въ иностранное подданство.

Таковы соображенія, которыя говорятъ о невѣрности точки зрѣнія Сената. Какъ ни странно для Сената оставить безнаказаннымъ переходъ въ иностранное подданство, что, однако, въ проектѣ уложенія и принято, тѣмъ не менѣе и по дѣйствующему праву такое нарушеніе вѣрноподданческаго долга не можетъ быть наказано, — и, толкуя статью 325 въ иномъ смыслѣ, Сенатъ явился въ роли законодателя, а не судебного учрежденія.

К. Шауровъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Хроника судебной жизни: „битва подъ Ваграмомъ“; авторское право на вывѣску; земледѣльческая Панама.

Въ самый разгаръ агитаціи въ пользу пересмотра процесса Дрейфуса, когда изъ газетныхъ столбцовъ и парламентской трибуны споръ былъ вынесенъ на улицу, и сторонники и противники пересмотра устраивали многотысячныя народныя собранія, появляется на всѣхъ перекресткахъ афиша, возвѣщающая о митингѣ въ пользу

пересмотра, организуемомъ въ огромной залѣ Wagram Прессансе, Воганомъ и другими главными „ревизионистами“. Наканунѣ собранія появилась другая афиша, возвѣщающая, что Деруледъ съ толпой націоналистовъ явится на митингъ съ цѣлью помѣшать его осуществленію. Предвидя бурную политическую манифестацію и опасаясь за цѣлость своего имущества, хозяинъ зала „Ваграмъ“ отказался предоставить залъ для митинга и, когда туда явились Прессансе, Воганъ и Жоресъ въ сопровожденіи огромной толпы народа, они нашли двери зала запертыми. Націоналисты явились тоже, и „битва“ произошла тутъ же на улицѣ. Эпизодъ этой „битвы“ имѣлъ мѣсто 16 октября въ гражданскомъ судѣ, въ которомъ Прессансе и другіе устроители митинга предъявили искъ въ 54,519 франковъ къ хозяину зала. Судъ отказалъ въ искѣ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „не было ни для кого сомнѣнія, что присутствіе въ собраніи 2 октября 1898 года Деруледа и его друзей будетъ причиной кроваваго побоища; и что, такимъ образомъ, общественному порядку грозила серьезная опасность; что отвѣтчики находились, влѣдствіе этого, въ томъ положеніи, которое слѣдуетъ признать force majeure“...

Въ Сенскомъ коммерческомъ судѣ возникъ по одному дѣлу интересный юридическій вопросъ, можно ли признать авторское право на вывѣску? Два виноторговца торговали, одинъ противъ другого, въ улицѣ Chabrol. Когда, послѣ знаменитой осады Герена и его друзей въ „fort Chabrol“, название это прославилось, то одинъ изъ виноторговцевъ Bard измѣнилъ свою вывѣску, написавши крупными буквами надъ магазиномъ: „Au fort Chabrol“; черезъ 8 дней его визави устроилъ себѣ точно такую же вывѣску. Бардъ предъявилъ къ своему конкуренту въ коммерческомъ судѣ искъ, оспаривая свои авторскія права на вывѣску „Au fort Chabrol“; отвѣтчикъ возражаетъ, что эта вывѣска является просто топографическимъ названіемъ данной мѣстности, и что выраженіе „fort Chabrol“ для обозначенія дома, гдѣ былъ запертъ Герень, употребляется даже въ официальныхъ бумагахъ. Рѣшеніе этого „казусаго“ дѣла отложено, по обычаю, на 15 дней.

Хроника скандальныхъ процессовъ, въ которыхъ фигурируютъ крупныя французскія политическія дѣятели, увеличится въ скоромъ времени еще однимъ, въ которомъ будутъ фигурировать 13 человѣкъ депутатовъ и сенаторовъ, а также Перивье, бывший старшій президентъ апелляціоннаго суда въ Парижѣ, предсѣдательствовавшій, между прочимъ, въ знаменитомъ Панамериканскомъ процессѣ и въ Версальскомъ процессѣ Зола. Сущность дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Около 3-хъ мѣсяцевъ тому назадъ въ Парижѣ на улицахъ, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, появились огромныя афиши, возвѣщавшія о предстоящемъ въ скоромъ времени выпускѣ на 40.000.000 франковъ акцій новаго огромнаго общества „Le syndicat national du Crédit agricole“. Въ особыхъ проспектахъ, которые были разосланы въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ экземпляровъ и которые раздавались на всѣхъ перекресткахъ, выставлялись „высокія патриотическія цѣли“, которыя преслѣдовалъ новый „синдикатъ“ и которыя состояли въ поднятій

падающаго съ каждымъ днемъ земледѣлія во Франціи. Подписчикамъ на акціи обѣщали золотыя горы и *гарантированные* 4% на капиталъ. Подъ проспектами и подъ афишами были подписаны имена сенаторовъ, депутатовъ—букетъ націонализма; а впереди всѣхъ былъ подписанъ предѣдатель комитета Перивье „*President honoraire de la Cour d'Appel à Paris*“. Какъ только объявленіе о выпускѣ акцій было вывѣшено, въ прессѣ поднялась бурная кампанія противъ синдиката. Указывали прежде всего на то, что выпускъ акцій совершенно *противозаконный*. Цѣль синдиката — устраивать въ коммунахъ кассы съ цѣлью выдачи ссудъ земледѣльцамъ; по закону 5 ноября 1894 года такія кассы не могутъ устраиваться путемъ выпуска акцій, а только въ видѣ обществъ взаимнаго кредита; курьезно то, что самъ Перивье былъ въ 1894 году приглашенъ въ юридическую комиссію по выработкѣ этого закона, и ему принадлежитъ его окончательная редакція. Затѣмъ, большое впечатлѣніе на публику произвелъ выходъ изъ состава комитета депутата де-Магн, бывшаго министра земледѣлія; начали ходить про синдикатъ очень темныя слухи, подписка на акціи шла очень слабо, и внезапно была комитетомъ приостановлена; въ тотъ же день ко всѣмъ 13-ти членамъ комитета былъ предъявленъ банкиромъ Булэномъ искъ въ 500,000 франковъ, и дѣло разъяснилось. Оказалось, что для осуществленія своего предпріятія заправили синдиката пригласили банкира Булэна и заключили съ нимъ договоръ, въ силу котораго Булэнъ долженъ былъ выдавать деньги на всѣ необходимые предварительныя расходы; въ вознагражденіе за это ему по договору было обѣщано изъ собранной за акціи подписной суммы 15%, т. е. 6.000,000 франковъ. Булэнъ выдалъ немедленно 25,000 франковъ. 15,000 были отчислены на конференціи (которыхъ ни одной не состоялось), а 10,000 члены комитета разобрали себѣ въ видѣ жалованья за первый мѣсяць. Затѣмъ, Булэнъ выдалъ еще 60,000 на печатаніе афишъ и проспектовъ; 200,000 на организацію изданія ежедневной газеты, которая должна была печататься въ количествѣ 750,000 экземпляровъ и раздаваться даромъ и т. д. Всего онъ передалъ синдикату до 500,000 франковъ. Подписка на акціи шла плохо; кромѣ того, за синной Булэна члены синдиката вели переговоры съ *Crédit foncier*, чтобы онъ принялъ на себя реализацію дѣла; узнавши про эти переговоры, а также про то, что выпускъ акцій противозаконный, Булэнъ и потребовалъ назадъ свои деньги, и, въ виду отказа, предъявилъ искъ. До сихъ поръ, какъ мы видѣли, синдикатъ оставался на почвѣ *гражданскаго* права; но, когда пожелали узнать ближе цѣли этого синдиката, то оказалось много такого, что предельно умышленно уголовнымъ кодексомъ. Главная цѣль синдиката была великолѣпно замаскирована и заключалась въ томъ, чтобы подъ видомъ „земледѣльческихъ паевъ“ создать маленькіе коммунальные банки, гдѣ выдавались бы *безсрочныя* ссуды избирателямъ, и покупались бы для предстоящихъ выборовъ голоса. Это былъ бы огромный электоральный банкъ, который бы охватилъ всю Францію. „Синдикатъ“ такъ торопился поскорѣе начать свои дѣй-

ствія, что даже нѣкоторымъ избирателямъ, за счетъ Булэна, *выдалъ ссуды авансомъ*. Купивши за 40.000,000 огромное большинство голосовъ, они вошли бы въ палату господами положенія; и если бы акціонеры были не совсѣмъ довольны, не получая *гарантированныхъ* 4%, то нашли бы средство заставить ихъ замолчать. Соціалистической депутатъ Руанэ переноситъ исторію „земледѣльческаго синдиката“ на парламентскую трибуну, а генеральный прокуроръ Бернаръ — въ судъ присяжныхъ.

В. В.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

Ответственность желѣзной дороги предъ банкомъ, выдавшимъ ссуды подъ залогъ именной дубликата накладной.

В. заложилъ въ Московскомъ междун. торг. банкѣ 9 *именныхъ* дубликатовъ накладныхъ на пшеницу, отправленную въ Одессу. По прибытіи въ Одессу, товаръ, по упущенію агентовъ дороги, былъ выданъ адресату безъ истребованія отъ него дубликатовъ, вопреки ст. 86 общ. уст. рос. ж. д. Лишившись, такимъ образомъ, объекта залога, банкъ предъявилъ искъ къ дорогѣ о возмѣщеніи понесеннаго имъ убытка въ размѣрѣ ссуды, выданной подъ залогъ дубликатовъ. Противъ этого иска желѣзная дорога заявила, что на основаніи ст. 78 и 112 общ. устава рос. ж. д. желѣзная дорога за всякаго рода допущенныя ею нарушенія договора перевозки отвѣчаетъ только предъ хозяиномъ груза, т. е. или предъ отправителемъ, которому дубликатъ первоначально выданъ, или предъ адресатомъ, если дубликатъ у него въ рукахъ, или, наконецъ, предъ третьимъ лицомъ, держателемъ дубликата, но — лишь при томъ условіи, если дубликатъ (именной) этому третьему лицу переданъ въ установленномъ порядкѣ. Такимъ третьимъ лицомъ банкъ въ данномъ случаѣ не является, потому что никакой передаточной надписи на имя банка на дубликатахъ не сдѣлано. Од. суд. палата признала желѣзную дорогу отвѣтственной предъ банкомъ въ силу общихъ гражданскихъ законовъ (ст. 684 X т. ч. 1). Въ кассационной жалобѣ на это рѣшеніе повѣренный Юго-Западныхъ ж. д. указалъ на то, что общій уставъ рос. ж. д., какъ законъ спеціальныи, регулируя отношенія по желѣзнодорож. перевозкѣ, исключаетъ собою примѣненіе общихъ гр. законовъ. За убытки, причиненные утратою груза, желѣзная дорога отвѣчаетъ только въ размѣрѣ, указанномъ въ этомъ уставѣ (ст. 107—109) и только предъ лицами, въ немъ указанными (ст. 78 и 112), а никакъ не предъ всякими посторонними лицами, интересы которыхъ могутъ пострадать отъ этой утраты. Въ засѣданіи Прав. Сената 28 октября 1899 г. кассационную жалобу поддерживалъ присяжный повѣренный В. И. Леонтьевъ, который въ своихъ объясненіяхъ указалъ, что банку надлежало записаться передаточными надписями на дубликатахъ на свое имя и тогда бы онъ, какъ законный распорядитель груза, имѣлъ право на предъявленіе къ жел. дорогѣ всякаго рода требованій, вытекающихъ изъ договора перевозки. Убытки банка не болѣе, какъ результатъ его же собственной неосторожности, послѣдствія которой онъ же самъ и долженъ нести. Именной документъ въ чужихъ рукахъ — это нѣчто въ родѣ

паспорта, который въ нашемъ быту также иногда служить объектомъ залога. Подъ залогъ паспорта хозяинъ выдаетъ рабочему впередъ жалованье. Слѣдуетъ ли изъ этого, что, если рабочей отошелъ, забравъ впередъ жалованье, и нанялся въ другомъ мѣстѣ безъ паспорта, то за это неправильное дѣйствіе—наемъ рабочаго безъ паспорта—второй наниматель отвѣчаетъ предъ первымъ, потерявшимъ свои деньги. Въ данномъ дѣлѣ дубликатъ накладной былъ на имя Моисея В., тогда какъ этотъ дубликатъ безъ всякой на немъ передаточной надписи Моисея В. былъ заложенъ банку, и деньги получены Арономъ В. Слѣдовательно, самый залогъ былъ неправиленъ, и имѣть никакой связи между выдачею груза желѣзною дорогою надлежащему получателю груза Моисею В., хотя бы безъ предъявленія дубликата накладной, и убыткомъ банка, такъ какъ банкъ, какъ неправильный держатель накладной, не имѣлъ права на получение груза.

Повѣренный банка, прис. повѣр. М. Я. Рабиновичъ, объяснилъ, что въ ст. 112 общ. уст. дѣйствительно сказано, что „предъявить къ желѣзной дорогѣ требованія, вытекающія изъ договора перевозки, можетъ только лицо, имѣющее право распоряженія грузомъ“. Но въ данномъ случаѣ банкъ основываетъ свое требованіе не на договорѣ перевозки, а на совершенномъ служащими желѣзной дороги *недозволенномъ дѣяніи*. Что нарушеніе правилъ перевозки, изложенныхъ въ общемъ уставѣ рос. ж. д., и въ частности, нарушеніе ст. 86 является не только нарушеніемъ договора, но и прямо проступкомъ, это видно изъ того закона 12 июня 1885 года, при которомъ общій уставъ республикованъ (собр. узак. 1885 г. № 78, ст. 671: „когда сими служащими нарушены предписанныя общимъ уставомъ рос. ж. д. правила о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ... то лица сіи подвергаются... аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взыскацію не свыше ста рублей“). Проступокъ служащаго, въ силу ст. 5 общ. уст. рос., ж. д., является проступкомъ какъ бы самой желѣзной дороги, которая безусловно отвѣчаетъ за служебные проступки своихъ агентовъ. Основывая же свое требованіе о возмѣщеніи убытковъ на *недозволенномъ дѣяніи* отвѣтчика, истецъ обязанъ доказать только то, что его права этимъ дѣяніемъ нарушены и что понесенные имъ убытки составляютъ послѣдствіе этого дѣянія (ст. 644 зак. гр.). А такъ какъ отвѣтчикъ не споритъ, что права банка нарушены, что банкомъ понесенъ убытокъ, по винѣ дороги, то дорога за этотъ убытокъ должна отвѣчать. Бываютъ и другіе случаи, когда дорога можетъ и должна отвѣчать прелъ такими лицами, съ которыми она не состоитъ въ договорныхъ отношеніяхъ. Напр., если служащіе дороги сфабриковали и пустили въ обращеніе дубликатъ подложный или фиктивный, то, въ силу ст. 5 общ. уст., дорога обязана будетъ возмѣстить добросовѣстному приобретателю такого дубликата понесенный имъ убытокъ, хотя о договорныхъ отношеніяхъ тутъ не можетъ быть и рѣчи, потому что никакого договора перевозки въ дѣйствительности не было.

Правит. Сенатъ, находя, что ст. 684 зак. гр. должна имѣть примѣненіе и къ желѣзнымъ дорогамъ постольку, поскольку примѣненіе это не исключается специальными правилами общ. устава рос. ж. д. и что ст. 112 этого устава въ данномъ случаѣ непримѣнима, потому что банкомъ предъявлено требованіе не на основаніи договора перевозки, а на основаніи приобретеннаго имъ залоговаго права на грузъ, о послѣдствіяхъ нарушенія коего въ общ. уставѣ никакихъ правилъ не содержится, и что вопросъ о неправильности залога, хотя и представляется существеннымъ, впервые возбужденъ въ кассационномъ производствѣ, опредѣлилъ: кассационную жалобу дороги оставить безъ послѣдствій.

Засѣданіе угол. касс. департамента 23 ноября.

I.

Право судебной палаты исправлять при разсмотрѣніи дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ неправильность, допущенную судомъ 1 степени въ направленіи дѣла по предмету подсудности, если на эту неправильность не указываютъ ни апелляціонная жалоба, ни протестъ. Толкованіе рѣш. угол. касс. депар. 1882 г. № 21.

По обвинительному акту товарища прокур. Минскаго окружн. суда Емельянъ Артемчикъ и Мартинъ Ошурко были преданы суду окружн. суда безъ участія присяжн засѣд.—первый въ убійствѣ въ дракѣ безъ намѣренія (1 ч. ст. 1465 ул. о нак.), а второй въ сокрытіи слѣдовъ этого преступл. (ст. 14 и 1 ч. ст. 1465 ул. о нак.). Окружный судъ призналъ ихъ виновными. Виленская судебная палата, куда дѣло перешло по апелляціон. отзыву осужденныхъ, прошившихъ объ отмѣнѣ или уменьшеніи наказанія, оставила безъ отвѣта вопросъ о виновности осужденныхъ и постановила: приговоръ Минскаго окружнаго суда отмѣнить и дѣло передать въ распоряженіе прокурора палаты по признакамъ преступл., предусм. 2 ч. 1455 ст. ул. о нак. и 14 ст. ул. о нак.

Въ кассационномъ протестѣ прокурора Виленской суд. палаты указывается, что, согласно рѣш. касс. угол. деп. 1882 г. № 21, судебн. палата имѣетъ право исправлять допущенную судомъ 1 степени неправильность въ направленіи дѣла по предмету подсудности въ томъ лишь случаѣ, если *фактическія* основанія, на которыхъ строить обвиненіе обвинительный актъ или приговоръ, соотвѣтствуютъ признакамъ преступленія, подсуднаго суду высшей степени. Между тѣмъ Виленск. судебн. палата критикуетъ лишь выводы окруж. суд., не затрагивая фактической стороны дѣла и высказываетъ лишь предположенія, что обстоятельства дѣла обличаютъ Артемчика и Ошурко въ преступл., предусм. ст. 1455 и 14 ул. о нак. Это составляетъ нарушеніе 878, 751 и 889 ст. у. о. с.

Дѣло докладывалъ сенаторъ баронъ А. Ф. Корфъ, заключеніе давалъ тов. оберъ-прокуроръ Н. П. Слѣповъ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ Виленской судебной палаты по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ 889 ст. у. о. с., отмѣнить и дѣло передать въ ту же палату, для новаго разсмотрѣнія, въ другомъ составѣ присутствія.

II.

Должна ли быть принимаема въ счетъ степеней 1 степ. ст. 33 ул. о н при замѣнѣ тюремной наказанія, назначеннаго на основаніи 5 степ. 31 ст. ул. о нак., для приговоренныхъ къ нему женщинъ и при пониженіи этого наказанія, на основ. ст. 134 и 135 ул. о нак., на двѣ степени?

Либавскій окружный судъ признавъ Анну Эглитъ виновной въ преступленіяхъ, предусм. ст. 1692 ст. ул. о нак., понизилъ слѣдующее ей по 5 степеніи 31 ст. улож. о нак. на двѣ степеніи на основаніи 4 п. 134 и 135 ст. улож. о нак. и приговорилъ Эглитъ, какъ подстрекательницу, къ высшей мѣрѣ отвѣтственности по 2 степеніи 33 ст. ул. о нак., т. е. къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ (ст. 77 улож. о нак.) на 1 годъ 4 мѣсяца.

Петербургск. судебн. палата утвердила приговоръ въ отношеніи виновности Эглитъ, но уменьшила ей это наказаніе до 8 мѣсяцевъ тюремн. заключенія, признавъ, что наказаніе ей должно быть назначено не по 2, а по 3 степеніи 33 ст. улож. о нак. Соображенія судебной палаты таковы: по 77 ст. улож. о нак. женщины не подлежатъ отдачѣ въ исправит.

арест, отдѣленія, это наказаніе замѣняется для нихъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Оба наказанія для женщинъ являются наказаніями тождественными, и поэтому при переходѣ отъ 31 ст. къ наказанію по 33 ст. срокъ тюремнаго заключенія не можетъ быть продолжительнѣе срока заключенія по 31 ст. Если же судъ при пониженіи наказаній будетъ переходить отъ 5 степ. 31 ст. къ 1 степ. 33 ст., то увеличеніе срока заключенія является неизбѣжнымъ, и пониженіе наказанія влекло бы необлегченіе, а обремененіе участи осужденныхъ женщинъ. Поэтому, въ случаяхъ пониженія наказанія по 2 степ. для осужденныхъ женщинъ, слѣдуетъ переходить отъ 5 степ. 31 ст. непосредственно ко 2 степ. 33 ст. ул. о нак. Такой переходъ уже установленъ по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ ст. 140 ул. о нак., а для женщинъ можетъ находить основаніе въ рѣш. Прав. Сената 1889 г. № 22, по д. Лукьяновой.

Въ своемъ кассационномъ протестѣ прокуроръ С.-Петербургской судебн. палаты указываетъ, что такое измѣненіе наказанія со стороны палаты и уменьшеніе его на 3 степени противорѣчитъ прямому смыслу 135 ст. улож. о нак. и 774 ст. у. у. с. и общему правилу, выраженному въ 150 ст. ул. о нак.

Дѣло докладывалъ сенаторъ В. О. Фененко, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ С.-Петербургской судебной палаты по настоящему дѣлу, въ части его, относящейся до опредѣленія подсудимой Эглицѣ наказанія, за нарушеніемъ 150 ст. ул. о нак., отмѣнить и дѣло передать въ ту же палату для постановленія новаго въ семь отношеній приговора въ другомъ составѣ присутствія.

III.

Въ распорядительномъ засѣданіи уголовного кас. депар. 23 ноября былъ предложенъ на обсужденіе и законное постановленіе Правительствующаго Сената *вопросъ о томъ, съ какого времени слѣдуетъ исчислять бродягамъ срокъ отбываемыхъ или принудительныхъ работъ—со времени ли осужденія ихъ подлежащими судами или со времени дѣйствительной отдачи ихъ въ принудительныя работы.*

Вопросъ этотъ возбужденъ Приамурскимъ генералъ-губернаторомъ и вызываетъ сомнѣнія лишь по отношенію къ бродягамъ, задержаннымъ въ предѣлахъ Сибири. Относительно бродягъ, задержанныхъ въ Европ. Россіи, ст. 507 уст. о ссыльн. рѣшаетъ вопросъ совершенно опредѣлено. Въ отношеніи же первыхъ до сихъ поръ существовала разнообразная практика 5 депар. Правит. Сената призналъ, что на основаніи 508 и 518 ст. зак. суд. уч. срокъ работъ долженъ быть исчисляемъ со времени вступленія въ законную силу судебн. приговоровъ (указъ № 3984 отъ 18 декаб. 1893 г.). Первый же департаментъ въ указѣ № 15401 отъ 30 ноября 1890 г. предписалъ: срокъ заводскихъ работъ для ссыльнопоселенцевъ, обращенныхъ въ эти работы по формальной полицейской расправѣ исчислять со времени дѣйствительнаго поступленія ихъ на работы.

Но указомъ отъ 3 декабря 1897 г. 1 департаментъ Правительствующаго Сената разъяснилъ, что указъ отъ 30 ноября 1890 г. за № 15401 утратилъ свое значеніе въ виду распространенія на Сибирь судебн. устав. Императора Александра II.

Докладывалъ дѣло сенаторъ А. А. Арцимовичъ, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: разъяснить, что срокъ работъ исчисляется со дня поступленія въ работы; въ срокъ работы входятъ всѣ работы, ими исполняемыя, гдѣ бы таковыя не производились.

Хроника.

По разъясненію Пр. Сената, сортировка табаку для приготовленія сигаръ, папиросъ и проч., не подлѣжна подлѣ понятіе ремесло, какъ обработки вещей посредствомъ ручной работы, составляетъ фабричное занятіе, выражающееся исключительно въ исполненіи правилъ уст. таб. сб. т. V изд. 1893 г., а сортировщики табаку являются простыми рабочими, исполняющими распоряженія хозяина фабрики. (Указъ 18 октября по д. Волка).

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что въ отличіе отъ подмастерскаго свидѣтельства, получаемого лишь по надлежащемъ обученіи и испытаніи въ мастерствѣ и дающаго извѣстныя самостоятельныя права лицу, оное получившему, свидѣтельство о состояніи въ числѣ ремесленныхъ работниковъ не только не служитъ удостовѣреніемъ какихъ-либо ремесленныхъ познаній его предъявителя, но и не предоставляетъ ему никакихъ правъ. (Указъ по д. Тилесъ).

21 ноября скончался послѣ тяжелой болѣзни извѣстный присяжный повѣренный **Николай Осиповичъ Холева**. Н. П. Карабчевскій на страницахъ „Россіи“ посвятилъ прочувствованный некрологъ покойному, который былъ въ числѣ его помощниковъ.

„Всегда цѣня въ покойномъ,—говоритъ Н. П. Карабчевскій,—удивительную усидчивость, предприимчивую энергію и беззавѣтно добросовѣстное отношеніе къ своимъ профессиональнымъ обязанностямъ, я нисколько не удивлялся его быстрому успѣхамъ и въ качествѣ уголовного защитника, такъ какъ онъ въ это дѣло вложилъ всю свою душу, весь огонь молодости. Н. О. работалъ не легко, онъ не импровизировалъ и не обладалъ выдающеюся свободою рѣчи, успѣхъ ему давался цѣною большихъ усилій, а жажда жить всею полнотою внѣшнихъ благъ—вѣчно подстегивала и гнала его впередъ безъ передышки. Онъ цѣнилъ довольство, цѣнилъ извѣстность, онъ сѣшилъ все это закрѣпить за собою, не щадя ни труда, ни времени, ни самого себя. Воистину, это былъ продуктъ своего времени—шального и недалковиднаго, смальвающего челоуѣка своимъ жерновымъ камнемъ на чью-то потребу, но на чью, именно,—никакъ не доберешься.

„Какъ адвокатъ, Н. О. поработалъ много и успѣшно, и совершенно по заслугамъ пользовался извѣстностью.

„Въ работѣ покойный вообще не шадилъ себя. Онъ не соразмѣрилъ только или просто не удосужился какъ-то соразмѣрить истинное значеніе и цѣну тѣхъ услугъ, которыя стоили ему и столькоихъ усилій, и столькоихъ заботъ. Немудрено, что силъ, наконецъ, не хватило. Онъ палъ, какъ загнанная лошадь, въ упряжкѣ, на полномъ ходу... Печальная кончина, омраченная самими тяжелыми и страшными предчувствіями“.

Въ одной изъ своихъ жалобъ Правительствующему Сенату, Воронежское губернское земское собраніе, между прочимъ, устанавливаетъ то положеніе, что смѣты уѣздныхъ земствъ подлежатъ разсмотрѣнію губернскаго земскаго собранія лишь со стороны закон-

ности ихъ составленія, но не по существу предположенныхъ расходовъ; Сенатомъ въ этомъ отношеніи разъяснено, что такое соображеніе несогласно съ закономъ, такъ какъ на основаніи ст. 14 прил. къ ст. 6 пол. о зем. учр. замѣчанія губернатара противъ уѣздныхъ смѣтъ и раскладокъ предлагаются имъ губернскому земскому собранію во всѣхъ случаяхъ, исчисленныхъ въ ст. 87 того же полож., а потому губернскія земскія собранія обязаны входить въ разсмотрѣніе существа дѣлаемыхъ губернаторами противъ уѣздныхъ земскихъ смѣтъ замѣчаній.

На дняхъ въ уголов. касс. деп. Пр. Сената поступило надѣлавшее не мало шума дѣло по кассац. жалобамъ Киевскаго губернскаго тюр. инспектора д. с. с. **Прокоповича** и пом. начальника кievскаго испр. отдѣленія, г. с. **Шварца** на приговоръ Киевской судеб. палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, по обвиненію ихъ по 354 ч. 2 и 3 отд. 1 и 2, 362, 347 ч. 1., 400 ч. 1., улож. о нак. и 134 ст. уст. о нак. Прокоповича за всѣ преступныя дѣянія, опредѣливъ одно общее наказаніе по правиламъ о совокупности, преподанномъ 152 ст. улож. о нак., особое присутствіе Киевской суд. палаты приговорило къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію, а Шварца къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Дѣло будетъ заслушано Пр. Сенатомъ въ концѣ декабря мѣс. с. г. или въ январѣ будущаго года.

Новымъ проектомъ положенія о выдачѣ **мелиоративныхъ ссудъ** къ посредничеству по выдачѣ этихъ послѣднихъ привлекаются не только земства, но и сельско-хозяйственныя товарищества или общества. Правленія, совѣты или иныя распорядительныя учрежденія сельско-хозяйственныхъ обществъ или товариществъ, въ случаѣ предоставленія имъ посредничества по выдачѣ ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія, обязаны руководствоваться соответственнымъ планомъ дѣяствій, утверждаемымъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ по соглашенію съ министромъ финансовъ.

Принимая на себя посредничество по выдачѣ ссудъ, сельско-хозяйственное товарищество или общество обязано имѣть въ своемъ распоряженіи лицъ съ агрономическимъ образованіемъ для разсмотрѣнія въ техническомъ отношеніи плановъ и смѣтъ, предполагаемыхъ улучшеній и для надзора за исполненіемъ этихъ улучшеній.

Въ случаѣ неправильности въ дѣяствіяхъ посредника, отъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ зависитъ устранить его отъ завѣдыванія дѣлами по выдачѣ ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія.

Въ концѣ прошлаго года Херсонское губернское земское собраніе постановило—**выразить Костромскому земству сочувствіе** въ инициативу въ возбужденіи вопроса объ изданіи спеціальнаго органа, посвященнаго обсужденію земскихъ вопросовъ.

Губернское присутствіе, принявъ во вниманіе, что,

на основаніи ст. 3 полож. о земск. учрежд. 1890 г., кругъ дѣяствій земскихъ учреждений ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда, каждому изъ нихъ учрежденій подвѣдомственныхъ, и что журнальнымъ постановленіемъ комитета министровъ, состоявшимся 8 іюня 1876 г., признано подлежащимъ отклоненію ходатайство, возбужденное однимъ изъ губернскихъ земскихъ собраній, объ установленіи правилъ касательно сношеній между земствами различныхъ губерній по вопросамъ, имѣющимъ общее для нихъ значеніе, признало вышеупомянутое постановленіе губернскаго собранія подлежащимъ отгнѣтѣ.

Губернская земская управа, въ своемъ докладѣ губернскому земскому собранію, такое рѣшеніе присутствія признаетъ неправильнымъ, въ виду того, что постановленіе собранія нисколько не противорѣчитъ ст. 3 земск. положенія, какъ не относящееся къ хозяйственному мѣропріятію другой губерніи и не влекущее за собою расходы на такое мѣропріятіе. Точно также это постановленіе не противорѣчитъ и постановленію комитета министровъ 8 іюня 1876 г., такъ какъ изъ сообщенія министра внутреннихъ дѣлъ по сему предмету отъ 19 іюня за № 21695 видно, что отклоненіе этого ходатайства послѣдовало потому, что министерство признало ненужность особыхъ для этого правилъ, въ виду того что при существующемъ порядкѣ, земство имѣетъ возможность придавать гласность своимъ распоряженіямъ и постановленіямъ путемъ печатанія журналовъ, смѣтъ и т. п.; а, слѣдовательно, каждое изъ земскихъ собраній можетъ слѣдить за дѣятельностью другихъ собраній.

Елисаветградскимъ земствомъ было возбуждено ходатайство объ оказаніи ему пособія изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе реального училища съ тѣмъ, что освобождающуюся такимъ образомъ, изъ земскаго ассигнованія сумму земство дѣликомъ обратитъ на расширеніе сѣти начальныхъ земскихъ училищъ въ уѣздѣ. На это ходатайство со стороны министерства народнаго просвѣщенія послѣдовало разъясненіе въ томъ смыслѣ, что ходатайство Елисаветградскаго земства должно быть отложено до разрѣшенія общаго для всѣхъ земствъ вопроса, нынѣ возбужденнаго министерствомъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, **объ освобожденіи земскихъ учреждений отъ расходовъ на среднія учебныя заведенія.**

Нѣкоторыми изъ земствъ, въ цѣляхъ расширенія ихъ агрономической дѣятельности, было возбуждено ходатайство о предоставленіи **уѣзднымъ земствамъ права премировать** отдѣльныя отрасли сельскаго хозяйства медалями и похвальными листами. Ходатайство это министерство внутреннихъ дѣлъ признало неподлежащимъ удовлетворенію.

Въ виду послѣдовавшаго разъясненія Сената о томъ, что земскимъ учреждениямъ принадлежитъ **право слать по ихъ усмотрѣнію пени по земскимъ сборамъ**, нѣкоторыя изъ земствъ, въ томъ числѣ Сенгилеевское Симб. губ., признали, въ виду тяжелаго экономическаго положенія, возможнымъ допускать сложеніе пеней, начисленныхъ за несвоевременный взносъ земскихъ сбо-

ровъ и пришли къ заключенію о необходимости впредь таковых не начислять, возбудивъ одновременно ходатайство предъ губернскими земскими собраніями какъ о сложеніи числящихся пеней, такъ и о неначисленіи впредь таковых.

Списокъ закавказскихъ дѣлъ объ **истязаніяхъ обывателей полицейскими чинами** увеличился разсмотрѣннымъ Тифлискою судебною палатою, по апелляціонному отзыву подсудимыхъ, дѣломъ по обвиненію пом. полиц. пристава гор. Баку, Гамидъ-бека Векилова и городского Муса-Иртъ-Паши-оглы въ истязаніи Мамеда-Солохъ-Кербалай-Алекперъ-оглы и Ахмеда-Молла-Махмед-оглы съ цѣлью принужденія ихъ къ сознанію въ кражѣ. Задержавъ означенныхъ лицъ по подозрѣнію въ похищеніи часовъ и денегъ у Гаджинскаго, обвиняемый Векиловъ вмѣстѣ съ городовымъ Мусою раздѣлъ ихъ до нага и билъ плетью и палками, заставляя ихъ сознаться въ совершеніи кражи. Отчаянные крики истязуемыхъ о помощи привлекли къ помѣщенію участка толпу народа, которая, однако, ничѣмъ не могла помочь имъ. Судебно-медицинское освидѣтельство констатировало на тѣлахъ потерпѣвшихъ рубцы, кровоподтеки и ссадины. Бакинскій окружный судъ приговорилъ обвиняемыхъ къ аресту на 3 недѣли каждаго; судебная палата утвердила этотъ приговоръ, оставивъ ихъ апелляціонные отзывы безъ послѣдствій.

(Б. В.).

Въ средѣ мѣстныхъ частныхъ повѣренныхъ возникла мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ новаго **консультационнаго бюро**, членами котораго могли бы быть не только присяжные, но и частные повѣренные.

(Южн. Кр.).

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій саратовской судебной палаты разрѣшенъ вопросъ: **необходимо-ли писать духовное завѣщаніе на чистомъ листѣ бумаги, или его можно писать и на листѣ, уже испсанномъ, напримѣръ, на купчей крѣпости?** Вопросъ этотъ возникъ по слѣдующему поводу; М. Д. П.—въ купилъ въ 1888 г. по купчей крѣпости 300 дес. земли; въ 1893 г. онъ написалъ духовное завѣщаніе на упомянутой купчей крѣпости, которое и скрѣпили свидѣтели—священникъ и два другихъ лица. Послѣ смерти П.—ва духовное завѣщаніе—купчая крѣпость, была утверждена саратовскимъ окр. судомъ. Тогда родной братъ П.—ва предъявилъ въ окружный судъ искъ объ уничтоженіи этого духовнаго завѣщанія, доказывая, что это завѣщаніе вмѣщаетъ въ себѣ такіе недостатки, въ силу которыхъ оно должно быть признано недействительнымъ: во-первыхъ, завѣщаніе написано не на отдѣльномъ листѣ бумаги, а сдѣлано вопреки ст. 1045 X т. ч. I въ видѣ надписи на купчей крѣпости и, во-вторыхъ, свидѣтелями, подписавшимися подъ завѣщаніемъ, были раскольники, что недопускается 1057 ст. X т. ч. I.

Отвѣтчикъ доказывалъ, что духовное завѣщаніе должно быть написано только не на обрывкахъ, а на цѣломъ листѣ бумаги, даже если на этомъ листѣ будетъ написано письмо, закладная, или вообще что бы то ни было.

Судебная палата утвердила рѣшеніе окружнаго суда, признавъ, что духовное завѣщаніе можетъ быть написано и на купчей крѣпости.

Изъ Баку въ тифлисскія газеты сообщаютъ, что по предложенію прокурора Тифлиской судебной палаты судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ на дняхъ возобновлено предварительное слѣдствіе по дѣлу объ **убійствѣ присяжнаго повѣреннаго Старосельскаго**. Въ Баку ходятъ упорные слухи о сенсационныхъ разоблаченіяхъ по этому дѣлу. (Б. В.)

„Юж. Край“ сообщаетъ, что юридическій факультетъ харьковскаго университета представляетъ выработанный имъ, при соучастіи нѣкоторыхъ высшихъ мѣстныхъ чиновъ судебного вѣдомства, **проектъ устава юридического общества при Императорскомъ харьковскомъ университетѣ** на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

КІЕВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ засѣданіи 13 ноября, дѣйствит. член. общ. К. А. Масловымъ былъ сдѣланъ докладъ: „Договоръ продажи по проекту гражданскаго уложенія“.

Право римское, а также законодательства на немъ основанныя (французск. гр. кодексъ, балтійск., право германск.) видятъ въ продажѣ отношеніе обязательственное, чисто консенсуальнаго характера. Право русское рассматриваетъ продажу какъ дѣйствіе; *traditio* является основной частью купли-продажи. Преимущество слѣдуетъ отдать праву русскому. Купля-продажа есть сдѣлка объ отчужденіи и приобрѣтеніи права собственности и должна носить вещный характеръ. Проектъ, отмѣчая моментъ обязательственный, не ломаетъ старины, подчеркивая прежде всего моментъ вещный. Ст. 186 говоритъ: „по договору продажи продавецъ *передаетъ* или обязуется передать опредѣленное недвижимое или движимое имущество въ собственность покупщику за условленную денежную сумму (покупную цѣну)“. Слово „передаетъ“ какъ нельзя лучше отмѣчаетъ вещный характеръ договора продажи.

Кромѣ того, необходимо постановить, что предметомъ купли-продажи можетъ быть только принадлежащая продавцу вещь. Принципъ недействительности продажи чужой вещи свойственъ всѣмъ законодательствамъ, въ томъ числѣ и русскому дѣйствующему праву (ст. 1384, 1385, 1386 т. X ч. 1).

Принадлежность вещей продавцу составляетъ отличительный признакъ купли продажи отъ договора поставки.

Поэтому необходимо дополнить ст. 186 словами: „имущество, которое ему принадлежить“.

Проектъ не содержитъ указаній на ограниченія частной дѣеспособности относительно предмета продажи, что является пробѣломъ.

По мнѣнію докладчика, въ римскомъ правѣ тре-

бывалось соотвѣтствіе между цѣной и дѣйствительной стоимостью вещи. Подобное стремленіе замѣчается и въ современныхъ законодательствахъ. Но проектъ ни о *pretium justum* ни о *laesio enormis* совершенно не упоминаетъ. Это пробѣлъ, который долженъ быть заполненъ включеніемъ положенія, что между стоимостью вещи и цѣной должно существовать соотвѣтствіе; въ случаѣ явнаго несоотвѣтствія договоръ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Желательно было бы также, по примѣру австрійскаго уложенія, ввести специальное положеніе о предметахъ, на которые существуетъ такса.

Ст. 228, предусматривающая невозможность отнять отъ добросовѣстнаго покупателя проданныя ему движимыя вещи, хотя бы продавецъ и не былъ собственникомъ, неправомерна и должна быть изъ проекта вычеркнута. Интересы покупателя могутъ быть обезпечены предоставленіемъ ему права требовать отъ продавца поручительства. Постановленіе о поручительствѣ слѣдовало бы ввести въ проектъ. Въ заключеніе докладчикъ высказался противъ ст. 225 и запродажи.

Докладъ К. А. Маслова вызвалъ рѣзкія возраженія со стороны членовъ общества.

Проф. фонъ-Зеелеръ находитъ, что вещный характеръ за договоромъ продажи нигдѣ въ проектѣ не признается и не долженъ признаваться. Стремленіе докладчика ввести запрещеніе продажи чужихъ вещей одобрить невозможно. Русское право подобной продажи не запрещаетъ, иначе обязательство очистки не имѣло бы смысла. Нѣтъ необходимости также различать договоръ поставки и договоръ продажи. Ст. 228, въ виду современнаго гражданскаго оборота, не должна быть исключена изъ проекта. Желаніе докладчика ввести поручительство невозможно одобрить.

Проф. Гуляевъ указалъ, что въ т. X ч. 1 обязательственный моментъ договора продажи не подчеркнуть и ст. 186 является крупнымъ шагомъ впередъ. Вещный моментъ при дѣйствіи проекта существовать не можетъ, и можно только привѣтствовать, что такимъ образомъ будетъ созданъ договоръ купли-продажи, котораго до сихъ поръ не было, но который необходимъ. Слово „передаетъ“ изъ ст. 186 можетъ быть вычеркнуто. Запорука, дѣйствительно, излишня. Не нужна также предлагаемая докладчикомъ вставка, ограничивающая продажу только принадлежащими продавцу вещами.

Проф. Покровскій указалъ, что онъ не можетъ согласиться ни съ однимъ положеніемъ докладчика. О новыхъ мысляхъ докладчика въ области права римскаго говорить въ данный моментъ неумѣстно, такъ какъ возраженія отвлекли бы въ сторону. Въ стремленіи сдѣлать продажу договоромъ вещнаго характера докладчикъ шагаетъ за законы XII таблицъ. Все дальнѣйшее развитіе права съ этой точки зрѣнія является одной ошибкой. Запродажа, дѣйствительно, излишня, хотя референтъ, оставаясь послѣдовательнымъ своей основной мысли, долженъ былъ бы высказаться за ея сохраненіе. Съ предложеніемъ ввести *pretium justum* согласиться нельзя, это значило бы возложить на судъ роль эксперта по части цѣны. Исключеніе изъ проекта ст. 228 было бы нераціонально. Собственникъ вещи имѣетъ къ кому обратиться съ искомъ, и удобнѣе возложить искъ на него, чѣмъ на покупателя.

Ананьевъ высказался за отміну ст. 203, 204, 205.

Послѣ краткаго заключительнаго слова председателя, проф. Демченко, засѣданіе было закрыто.

КУРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Отъ нашего корреспондента).

13 ноября с. г. состоялось годовое собраніе юридическаго общества, на которомъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества за 1898—99 годъ. Число дѣйствительныхъ членовъ общества за годъ увеличилось на 11 и къ 1 октября с. г. состояло 127 дѣйствительныхъ членовъ и 1 почетный членъ общества, профессоръ Иванъ Яковлевичъ Фойницкій. Въ теченіе года было 7 засѣданій, въ которыхъ сдѣлано было 11 докладовъ: А. А. Леонтьевымъ: 1) о „новомъ направленіи въ наукѣ гражданскаго права“ (по поводу сочиненія Л. І. Петражицкаго „Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы“) и 2) „о гражданскомъ судѣ въ Англии и его особенностяхъ“, и И. М. Тютрюмовымъ: 1) „о чувствѣ законности“; 2) „о защитѣ дѣтей“; 3) „о международномъ тюремномъ конгрессѣ въ Брюсселѣ въ 1900 году“; 4) „о кандидатурѣ на судебныя должности по проекту Высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части“; 5) „о съѣздѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ“; 6) „объ условномъ досрочномъ освобожденіи отъ заключенія“ и др. Докладъ М. Д. Исакова „о четвертныхъ земляхъ“ (по поводу книги Н. А. Благовѣщенскаго „Четвертное право“), назначавшійся на 28 апрѣля, былъ отложенъ разсмотрѣніемъ до одного изъ осеннихъ собраній общества.

Въ предыдущемъ году въ теченіе февраля и марта мѣсяцевъ былъ устроенъ юридическимъ обществомъ цѣлый рядъ публичныхъ лекцій, въ отчетномъ же году была прочитана только одна публичная лекція председателемъ юридическаго общества И. М. Тютрюмовымъ „о защитѣ дѣтей на Западѣ Европы и въ Россіи“.

Въ отчетномъ году общество организовало чтенія въ тюрьмѣ и арестантскихъ отдѣленіяхъ, избравъ для сего особую комиссію изъ членовъ общества. Чтенія происходили по воскресеньямъ и праздникамъ по брошюрамъ, одобреннымъ Высочайше учрежденною комиссіею; но комиссія изъ членовъ общества, кромѣ того, составила особый списокъ книгъ для чтенія въ мѣстахъ заключенія, и таковой былъ препровожденъ Курскому губернатору на утвержденіе. вмѣстѣ съ тѣмъ юридическое общество, озабочиваясь тѣмъ, чтобы дать арестантамъ разумное развлеченіе во время досуга, хотѣло учредить въ тюрьмѣ бібліотечку изъ книгъ, разрѣшенныхъ къ чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ, но губернаторъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить обществу устроить такую бібліотеку въ тюрьмѣ на томъ основаніи, что попеченіе о нуждахъ содержащихся въ мѣстахъ заключенія лежитъ всецѣло на обязанности правительственныхъ органовъ.

Для собранія и разработки матеріаловъ по обычному праву при обществѣ организованъ особый комитетъ обычнаго права и юридическое общество рѣшило

обратиться къ губернатору съ просьбой, чтобы рѣшенія волостныхъ судовъ Курской губерніи могли быть присылаемы въ Курскъ въ распоряженіе юридическаго общества, составленную же А. А. Леонтьевымъ программу для собранія юридическихъ обычаевъ разослать уѣзднымъ членамъ окружнаго суда и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя на приглашеніе предсѣдателя общества выразили желаніе принять участіе въ собраніи матеріаловъ по обычному праву.

Курское юридическое общество, по предложенію предсѣдателя И. М. Тютрюмова, составившаго и уставъ, взяло на себя инициативу по учрежденію въ Курской губерніи общества попеченія о безпріютныхъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ. Уставъ въ настоящее время утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и первое организационное общее собраніе этого общества предсѣдателемъ юридическаго общества И. М. Тютрюмовымъ было открыто 13 ноября с. г. и избранъ состав правленія (изъ 12 членовъ) и ревизионной комиссіи. Общество защиты дѣтей имѣетъ цѣлью въ предѣлахъ Курской губерніи: 1) призрѣніе дѣтей-сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей всѣхъ сословій и 2) огражденіе дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія, отъ вредной эксплуатаціи ихъ, отъ развращающаго и, вообще, вреднаго вліянія на нихъ взрослыхъ. Для достиженія первой задачи общество: 1) прискиваетъ помѣщенія для дѣтей въ существующихъ пріютахъ, учебныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ и у частныхъ лицъ; 2) устраиваетъ убѣжища и пріюты для грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей; 3) снабжаетъ дѣтей платьемъ и пищею, оказываетъ матеріальную помощь, необходимую для обученія и воспитанія дѣтей, а также медицинскую помощь и, вообще, удовлетворяетъ насущнымъ нуждамъ неимущихъ дѣтей; 4) открываетъ мастерскія для обученія призрѣваемыхъ, а также пріюты и дѣтскія колоніи. Для достиженія второй задачи общество: 1) имѣетъ надзоръ за правильнымъ исполненіемъ въ отношеніи дѣтей матеріальныхъ и нравственныхъ обязанностей со стороны лицъ, отъ которыхъ малолѣтніе находятъ въ зависимости; 2) устраиваетъ, съ надлежащаго разрѣшенія, пріюты или убѣжища для помѣщенія дѣтей призрѣваемыхъ, порочныхъ и, вообще, находящихся въ неблагоприятныхъ жизненныхъ условіяхъ; 3) прискиваетъ такіа семья и лицъ, у которыхъ могли бы быть помѣщаемы дѣти, и наблюдаетъ за дальнѣйшей судьбой дѣтей, окончившихъ свое пребываніе въ семьяхъ и въ исправительно-воспитательныхъ заведеніяхъ общества; 4) ходатайствуетъ въ опекунскихъ учрежденіяхъ о назначеніи опекуновъ и попечителей къ сиротамъ и безпріютнымъ дѣтямъ; 5) устраиваетъ воскресный отдыхъ для дѣтей, обучающихся или работающихъ въ ремесленныхъ и т. п. заведеніяхъ; 6) доводитъ до свѣдѣнія подлежащихъ властей объ обнаруженныхъ ими случаяхъ преступленій и проступковъ противъ дѣтей, въ томъ числѣ и жестокаго съ ними обращенія, ходатайствуетъ о дальнѣйшемъ направленіи возбужденнаго такимъ образомъ дѣла въ установленномъ порядкѣ, входитъ въ сношеніе съ разными мѣстами и лицами и, въ случаѣ возбужденія дѣла о совершенномъ преступленіи относительно дѣтей, прискиваетъ по просьбѣ потерпѣвшаго или его родственниковъ и опекуновъ

повѣреннаго для защиты на судѣ интересовъ потерпѣвшаго. Такія обширныя и благородныя задачи вновь учрежденнаго общества защиты дѣтей и примѣръ благотворной дѣятельности подобныхъ же обществъ въ столицахъ даютъ право надѣяться, что и въ Курскѣ это общество можетъ дѣйствовать успѣшно.

Изъ того же отчета юридическаго общества за 1898—99 г. видно, что бібліотека юридическаго общества, заключающая въ себѣ на 1 октября 1898 г. до 450 томовъ разнаго рода юридическихъ сочиненій, многихъ весьма цѣнныхъ (всѣ эти книги пріобрѣтены въ 1897—98 г.), въ отчетномъ году обогатилась 115 томами, изъ коихъ большая часть пріобрѣтена на средства общества, но въ числѣ ихъ есть и принесенныя въ даръ обществу С.-Петербургскимъ и Московскимъ юридическими обществами, и учено-литературнымъ обществомъ при Юрьевскомъ университетѣ, а также частными лицами: профессоромъ А. И. Загоровскимъ, А. С. Заруднымъ, Н. А. Благовѣщенскимъ и др. лицами.

Въ отношеніи печатанія своихъ протоколовъ юридическое общество встрѣтило затрудненія въ томъ отношеніи, что въ 1897—98 г. протоколы общества печатались безъ предварительной цензуры (на основаніи 3 п. 6 ст. уст. о ценз. и печ.), но въ 1898 г. Главное Управленіе по дѣламъ печати разъяснило, что труды Курскаго юридическаго общества, какъ не пользующагося правами, присвоенными ученымъ обществамъ, должны печататься съ предварительною цензурою. Юридическое общество обжаловало это распоряженіе Главнаго Управленія по дѣламъ печати министру внутреннихъ дѣлъ, но послѣднимъ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ томъ же направленіи, такъ какъ въ уставѣ общества нѣтъ указаній на право его печатать свои труды безъ предварительной цензуры и оно не отнесено къ числу обществъ ученыхъ, почему оно и должно печатать свои труды только съ предварительной цензурой; если же общество желаетъ, чтобы ему было предоставлено право безцензурнаго печатанія своихъ трудовъ, то оно должно обратиться за такимъ разрѣшеніемъ къ министру народнаго просвѣщенія. Въ виду такого разъясненія, юридическое общество рѣшило обратиться съ соотвѣтствующимъ по сему предмету ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія.

Въ собраніи 13 ноября с. г. предсѣдателемъ юридическаго общества вновь избранъ членъ Харьковской судебнаго палаты И. М. Тютрюмовъ, состоявшій предсѣдателемъ общества и первые два года существованія общества (по его возобновленіи въ 1897 г.); товарищемъ предсѣдателя, секретаремъ и товарищемъ секретаря избраны А. В. Ногесъ, Н. Н. Рождественскій и Н. В. Никольскій, занимавшіе эти должности и въ предыдущемъ году.

Въ томъ же собраніи почетнымъ членомъ юридическаго общества, въ виду особыхъ выдающихся заслугъ на пользу отечественнаго правосудія, имѣющихъ громадное государственное значеніе, и извѣстности литературныхъ трудовъ въ области правовѣдѣнія, избранъ министръ юстиціи Николай Валеріановичъ Муравьевъ.

Такъ какъ 20 ноября с. г. наступило 35-лѣтіе со

дня изданія судебныхъ уставовъ Императора Александра II, то юридическое общество, въ ознаменованіе этой 35-лѣтней годовщины, рѣшило поставить въ зданіи мѣстнаго окружнаго суда бюстъ Императора Александра II.

Назначенный на засѣданіе 13 ноября докладъ предсѣдателя общества И. М. Тютрюмова „о 5 книгѣ проекта гражданскаго уложенія объ обязательствахъ“, за позднимъ временемъ (засѣданіе окончилось въ 1-мъ часу ночи), былъ отложенъ разсмотрѣніемъ до слѣдующаго собранія юридическаго общества.

Изъ представленнаго за 1898—99 г. отчета также видно, что юридическое общество принимало участіе 26 мая с. г. въ торжественномъ чествованіи памяти А. С. Пушкина, въ столѣтнюю годовщину со дня его рожденія, возложивъ чрезъ избранныхъ представителей, И. М. Тютрюмова и А. В. Ногесъ, лавровый вѣнокъ на бюстъ великаго писателя, шѣвца любви къ правдѣ и милости къ падшимъ.

Бурское юридическое общество, какъ видно изъ того же отчета за 1898—99 г., состоящее членомъ русской группы международнаго союза криминалистовъ, по предложенію И. М. Тютрюмова, обратилось въ комитетъ русской группы съ ходатайствомъ о внесеніи на обсужденіе имѣющаго быть въ скоромъ времени 2-го съѣзда криминалистовъ вопроса о необходимости изданія у насъ особыхъ законодательныхъ постановленій, въ видахъ огражденія интересовъ малолѣтнихъ, такъ какъ на практикѣ выяснилось, что, благодаря недостаточности нашего законодательства, существующія у насъ общества защиты дѣтей, несмотря на наличность нарушеній дѣтскихъ интересовъ, не всегда могутъ оказывать необходимую защиту малолѣтнимъ, страдающимъ отъ жестокости или развращенности. Это предложеніе юридическаго общества комитетомъ русской группы встрѣчено сочувственно и программа 2-го съѣзда криминалистовъ будетъ дополнена означеннымъ вопросомъ.

Библиографія.

П. Шиловскій. Судебные очерки. Вып. I. Спб. 1899. Книга эта представляетъ рядъ статей, въ разное время печатавшихся въ „Гражданинѣ“. Въ ней мы находимъ довольно яркое отраженіе возрѣвнй кн. Мещерскаго, находимъ такую опѣнку стараго судебного строя и судебной реформы, подъ которой навѣрное бы подписался весьма охотно названный публицистъ. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что ему хотѣлось „въ общедоступной формѣ изложить нѣкоторыя элементарныя положенія о томъ, чѣмъ въ жизни общества и государства должно быть устройство судебного“, и что „ваилучшимъ приѣмомъ къ достиженію этой нелегкой задачи“ авторъ призналъ „наглядное ознакомленіе интересующейся судебными вопросами публики съ малоизвѣстной у насъ судебной организаціей Англии“. Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ восьми статей, четыре трактуютъ объ англійскихъ порядкахъ (о лондонскихъ тюрьмахъ, лондонскій мировой судья, сессія англійскаго присяжнаго суда, Supreme court of Judicature). Въ этихъ статьяхъ авторъ даетъ, по собственному его выраженію, „картинки дѣятельностей“ англійскаго мирового института и проч., проявляя въ нихъ чисто внѣшнюю

наблюдательность и то, что принято называть бойкостью пера. Но какъ только отъ наблюденій, немногочисленныхъ и настолько случайныхъ, что было бы весьма опасно составить себѣ на основаніи ихъ представленіе объ англійскихъ порядкахъ, авторъ переходитъ къ выводамъ и разсужденіямъ общаго характера, какъ только онъ пытается формулировать тѣ „элементарныя положенія“, о которыхъ шла рѣчь въ предисловіи,—онъ обнаруживаетъ полнѣйшую несостоятельность.

Такъ, озаглавивъ свою книгу „Судебные очерки“, разсуждая на протяжении болѣе трехсотъ страницъ о судѣ, о судебной власти, авторъ, повидимому, вовсе не даетъ себѣ отчета о тѣхъ признакахъ, которые отличаютъ именно судебную власть отъ власти административной, полицейской. Сливая то и другое въ общее понятіе твердой и строгой власти, призванной къ охранѣ правъ населенія, авторъ хвалитъ Великобританію и Америку за то, что онѣ охотски твердую защиту правъ не въ законѣ, а въ работѣ сильнаго, властнаго и честнаго суда, понавѣя, что законъ не можетъ обнять всего разнообразія жизни (стр. 55), и установивъ, что мнѣніе судьи въ отдѣльномъ случаѣ можетъ стать выше этого суроваго закона (стр. 59). На стр. 230 авторъ идетъ еще дальше, утверждая, что нѣтъ никакой надобности стремиться подводить опредѣленный проступокъ подъ опредѣленную статью, въ особенности, когда это подведеніе представляетъ нѣкоторыя трудности: важно то, чтобы проступокъ не остался безнаказаннымъ, и чтобы обиженные получили удовлетвореніе. Соотвѣственно этому, авторъ измышляетъ (стр. 234) своеобразную теорію субъективно и объективно-дѣйнаго „разрѣшенія юридическаго интереса“, понимая подъ первымъ—возможно-немедленное присужденіе виновныхъ въ первой инстанціи къ наказанію, хотя бы по невѣрной статьѣ уложенія и въ невѣрной мѣрѣ. Совершенно естественно, что, держась такой точки зрѣнія, авторъ видитъ, напримѣръ, главный недостатокъ института земскихъ начальниковъ не въ томъ, что въ лицѣ этихъ органовъ смѣшана власть административная и власть судебная, а лишь въ томъ, что этотъ институтъ есть „нѣчто крайне неуравновѣшенное и совершенно уступающее въ качественности и удачности дѣятельности—общему правильно функционирующему суду“.

Отсутствіе у автора какихъ-либо опредѣленныхъ принциповъ въ особенности рѣзко проявляется на тѣхъ многочисленныхъ страницахъ, гдѣ онъ говоритъ о значеніи судебной реформы и противупоставляетъ новому суду—старый, характеризуемый имъ, какъ „проведеніе сильной государственной власти чрезъ работу мѣстныхъ выборныхъ представителей населенія, главнымъ образомъ, высшаго сословія, пользовавшихся значительнымъ довѣріемъ этой власти“ (стр. 335). За новымъ судомъ лишь „масса красивыхъ и сильныхъ словъ: онъ—судъ гласный, состязательный и т. д.“ По словамъ автора, „нападавшихъ на эти дары реформенной русской культуры издавна, при хотѣхъ толпы, влекли на общее позорище“. Трудно представить себѣ болѣе явное извращеніе дѣйствительности, забвеніе того, что еще съ конца 70 годовъ судебная реформа имѣла гораздо меньше защитниковъ, по крайней мѣрѣ, въ печати, чѣмъ яростныхъ хулителей, и что нападки на судебную реформу привели къ огромнымъ и несомнѣннымъ практическимъ послѣдствіямъ, предотвративъ которыя оказались безсильны голоса, исходящіе изъ противоположнаго лагеря. Своему крайне поверхностному и краткому очерку стараго суда авторъ предпосылаетъ выраженіе сожалѣній о томъ, что въ настоящее время уже мало гдѣ мы найдемъ и мало отъ кого получимъ точныя свѣдѣнія о старомъ судѣ (стр. 328). Мы не раздѣляемъ сожалѣній по поводу этого обстоятельства, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о томъ, что то время, когда Рос-

сія была „въ судахъ черна неправдой черной“ отходить дѣйствительно въ область преданій. Но мы позволимъ себѣ помочь автору, лишенному источниковъ. Укажемъ ему хотя бы на статьи И. С. Аксакова о старомъ судѣ, напечатанныя имъ въ 80-хъ годахъ, въ то время, когда вся печать, съ публикою вкушъ, „просто уже хоромъ ревѣла „ату его, ату“, глумились, ругались, метали грязь со свистомъ и хохотомъ во весь судебный персоналъ, не выдѣляя никого, повально, во весь судебный институтъ“. „Старый судъ!“ писалъ Аксаковъ, „при одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!.. Мы имѣемъ право такъ говорить“ (Собр. соч., т. 4, стр. 655). Подобныя же указанія г. Шиловскій найдетъ и въ запискахъ Ровинскаго, обширныя выдержки изъ которой приведены въ статьѣ А. О. Кони („За послѣдніе годы“, стр. 264, 265, 266). Наконецъ, объемистый сборникъ уголовныхъ процессовъ, изданный Любавскимъ, дастъ матеріалъ для провѣрки, что болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности: отзывы ли Аксакова и Ровинскаго, или идиллія, нарисованная г. Шиловскимъ на фонѣ свода законовъ... Правда, идиллія эта принимается мѣстами нѣсколько зловѣщій характеръ. „Быстрота и безложность уголовного суда соединялась со строгостью... Та же природная съ древнѣйшихъ временъ русскому народу воззрѣнію разумная строгость... крайняя индивидуализація, вмѣстѣ съ тѣмъ, преступленіе проглядываетъ и во всѣхъ другихъ родахъ каръ. Прибавимъ только, что ссылка и каторжная работа—соединялись съ жестокииъ тѣлеснымъ наказаніемъ плетьюми“.

Воззрѣнія автора на иныя общественныя явленія поражаютъ своей оригинальностью. Отрицая (стр. 314) существованіе въ Англіи социализма, авторъ объясняетъ появленіе этого „сифилиса современныхъ государственныхъ организмовъ“ (тамъ же) въ континентальной Европѣ главнымъ образомъ „незащитой пролетарія судомъ“. Еще любопытнѣе объясненіе причинъ установленія черты еврейской осѣдлости (стр. 67). Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ выписать его цѣликомъ.

Въ книгѣ немало фактическихъ ошибокъ и упущеній. Мы готовы счесть за lapsus calami двукратное (стр. 332 и 336) упоминаніе о небываломъ уложеніи 1842 года. Но что сказать о такомъ, напр., замѣчаніи. „Въ Германіи профессура выдумала и уже много гдѣ вводитъ какое то личное изобрѣтеніе суда шеффеновъ“ (стр. 153). На той же стр. авторъ утверждаетъ, что опариваніе принципа присяжнаго суда въ Англіи было бы принято съ величайшимъ недоумѣніемъ. Между тѣмъ, въ 1 томъ капитальнаго сочиненія извѣстнаго Стифена, „A history of the criminal law of England“ авторъ могъ бы найти чрезвычайно острую и сильную критику присяжнаго суда, ничего недоумѣнія не возбуждающую. Сборникъ того же Стифена „Digest of the criminal law“ авторъ характеризуетъ какъ „родъ нашего уложенія Таганцева“ (стр. 217). Система допроса свидѣтелей въ англійскомъ процессѣ, по мнѣнію автора, мало чѣмъ отличается отъ процессовъ французскаго, нѣмецкаго и русскаго“ (стр. 183). Опять таки, у Стифена авторъ могъ бы найти указанія и доказательства того, что именно перекрестный допросъ (cross-examination) является одной изъ оригинальнѣйшихъ и типичнѣйшихъ чертъ англійскаго процесса. О русской науцѣ авторъ очень невысокаго мнѣнія. „У насъ, заявляетъ онъ, даже чисто-русскаго учебника уголовного права въ настоящее время нѣтъ, и русская процессуальная наука, одинаково, даѣе пережевыванія статей судебныхъ уставовъ подѣ комментаторствомъ обыкновенно нѣмецкихъ же матерьяловъ (?), тоже не ушла“ (стр. 279).

Мы остановились на книгѣ г. Шиловскаго, быть можетъ, подробнѣе, чѣмъ она заслуживала. Поступили мы такъ потому, что съ одной стороны

завимательность книги, написанной почти сплошь въ легкомъ фельетонномъ стилѣ, при новизнѣ ея сюжета, можетъ способствовать ея распространенію; но кромѣ того мы не можемъ отказать автору въ извѣстномъ дарованіи, въ способности умѣло подбирать факты, какъ будто говорящіе въ его пользу, а главное—въ искренности. Эти качества не испугаютъ пороковъ книги, но заставляютъ желать, чтобы они въ будущемъ нашли себѣ болѣе достойное примѣненіе.

Влад. Набоковъ.

СУДЕБНАЯ И СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА.

Судебный департаментъ Пр. Сената.

Можетъ ли быть признана торговой несостоятельностью лица, не выбравшаго купческаго и промысловаго свидѣтельства?

Опредѣленіемъ Московскаго коммерческаго суда П-въ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Заявленный П-вымъ отводъ о неподвѣдомственности дѣла, такъ какъ онъ торговлей не занимался и торговаго и промысловаго свидѣтельства не бралъ, ком. судъ не призналъ заслуживающимъ удовлетворенія, а отводъ о неподсудности въ виду того, что П-въ не проживалъ въ Москвѣ, былъ оставленъ безъ разсмотрѣнія По жалобѣ П-ва дѣло перешло на разсмотрѣніе Судебн. департамента.

Обращаясь прежде всего къ обсужденію разсмотрѣннаго ком. судомъ вопроса о томъ, можетъ ли быть признанъ П-въ несост. должникомъ по торговлѣ, Прав. Сенатъ находитъ, что, по закону (ст. 479 уст. суд. тор. торговую несостоятельностью признается, когда кто-либо по торговлѣ, присвоенной лицамъ, взявшимъ купческія или промысловыя свидѣтельства, придетъ въ такое дѣло положеніе, что не только не имѣетъ наличныхъ денегъ на удовлетвореніе въ срокъ своихъ долговъ въ важныхъ суммахъ болѣе 1500 р., но и есть признаки, по которымъ заключить можно, что долги его неоплатны, т. е. что всего имущества его для полной ихъ уплаты будетъ недостаточно. Изъ буквального смысла приведенной статьи закона явствуетъ, что характеръ неоплатности должника какъ торговой, долженъ опредѣляться въ зависимости отъ того, является ли дѣятельность, на почвѣ которой образовалась неоплатность должника, торговою по своему существу, дѣятельностью, свойственной торговлѣ, присвоенной лицамъ, взявшимъ купческія или промысловыя свидѣтельства. Отсюда слѣдуетъ, что для того, чтобы лицо могло быть признано несостоятельнымъ по торговлѣ, нѣтъ необходимости въ каждомъ данномъ случаѣ ни въ принадлежности лица къ торговому сословію, вслѣдствіе взятія имъ купческаго или промысловаго свидѣтельства, ни въ производствѣ лицомъ торговли въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и въ семъ отношеніи достаточнымъ является, если дѣйствія и операциі должника, по коимъ онъ впалъ въ неоплатность, суть таковы, что должны быть признаны свойственными и присвоенными лишь лицамъ, взявшимъ промысловыя или купческія свидѣтельства по самому свойству своему. Правильность этого положенія подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что торговый характеръ, свойственность исключительно торговлѣ дѣйствій и операциі должника имѣетъ существенное значеніе въ главахъ лицъ, вступающихъ съ нимъ въ сношенія и сдѣлки по этимъ дѣйствіямъ и операциямъ, и потому представлялось бы несправедливымъ и ничѣмъ не оправдывалось бы освобожденіе такого должника отъ отвѣтственности предѣ его контрагентами въ случаѣ обнаруживавшейся неоплатности его, въ порядкѣ торговой подсудности, на томъ лишь основаніи, что должникъ не выправлялъ торговыхъ сви-

дѣтельность и не производить торговли въ тѣсномъ значеніи этого слова. По симъ соображеніямъ и принятая во вниманіе: 1) что неплатность П-ва произошла по учету имъ въ банкахъ на значительную сумму торговыхъ векселей, а, именно, покупательскихъ векселей на имя торговаго дома „Сап-въ и К^о“, 2) что эта операція, по самому существу своему носящая исключительно торговый характеръ и невозможная безъ касательства къ торговлѣ, по точной силѣ ст. 43 (п. 5) уст. суд. торг. т. XI, ч. 2 и ст. 214 (п. 3) уст. пром. нал. т. V изд. 1893 г. должна быть отнесена къ числу торговыхъ дѣйствій, присвоенныхъ лицамъ, взявшимъ купеческія или промысловыя свидѣтельства, Правит. Сенатъ находитъ, что несост. П—ва должна быть признана, какъ это правильно заключилъ Моск. ком. судъ, торговою, несмотря на то обстоятельство, что П—въ не торговалъ и не бралъ купеческаго или промысловаго свидѣтельства. Что же касается вопроса о томъ, кто совершалъ самый учетъ и куда поступали деньги, выручавшіяся при учетѣ векселей, то таковой по разсматриваемому вопросу о характерѣ несостоятельности П—ва, въ смыслѣ подсудности, представляется безразличнымъ, ибо если бы даже самый учетъ и совершился другими лицами, къ которымъ поступали, и деньги, получавшіяся при учетѣ, тѣмъ не менѣе П—въ остается предъ держателемъ учетныхъ векселей контрагентомъ по торговой операціи, въ виду чего ссылка жалобщиковъ на свидѣтелей въ подтвержденіи самого учета векселей и полученія денегъ не П—вымъ не можетъ заслуживать уваженія. Переходя засимъ къ указанію жалобщиковъ на неподсудность Моск. ком. суду дѣла о несостоятельности П—ва по мѣсту его жительства, Правит. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ обжалованнаго опредѣленія, комм. судъ не входилъ въ разсмотрѣніе вопроса о подсудности ему ходатайства кредиторовъ П—ва объ объявленіи его должникомъ несостоятельнымъ по мѣсту жительства П—ва.

По силѣ изложеннаго Прав. Сенатъ опредѣляетъ: 1) жалобу повѣренныхъ П—ва, по вопросу о неплатности П—ва оставить безъ послѣдствій, 2) предписать Моск. ком. суду войти въ разсмотрѣніе вопроса о подвѣдомственности ему дѣла объ открытіи несостоятельности П—ва по мѣсту жительства его.

Настоящее рѣшеніе необходимо признать совершенно правильнымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ уже разъясненнаго Пр. Сенатомъ положенія, (опред. IV деп. Пр. Сен. 3 февр. 1894 г. № 174, 1 дек. 1894 г. № 1304), что не приписка къ купечеству и не выборка промысловыхъ свидѣтельствъ дѣлаютъ лицо купцомъ въ самомъ уставѣ торговаго, а дѣйствительное занятіе въ видѣ промысла операціями, признаваемыми нашимъ закономъ торговыми. Не выборка промысловаго свидѣтельства лицомъ, къ тому обязаннымъ по закону, влечетъ за собой лишь требованіе исполненія этой фискальной обязанности подъ угрозой закрытія торговаго заведенія (ст. 87 полож. о госуд. прям. налогѣ).

Первое общее собраніе Правительствующаго Сената.

Наслѣдственныя пошлины.—Дополнительная оцѣнка имѣній, стоимость которыхъ болѣе, чѣмъ на 25%, превышаетъ оцѣнку по табели.—Залоговая оцѣнка.—Законъ 19 мая 1883 г.—Пункты 2 и 3 прим. 1 къ ст. 177 св. зак. т. V уст. пошл. изд. 1893 г.

(Опредѣленіе 26 марта 1899 г.)

Изъ того общаго положенія, что законною оцѣнкою земель при исчисленіи наслѣдственныхъ пошлинъ признается оцѣнка, произведенная для залога въ поземельныхъ банкахъ, или оцѣнка, показанная въ особой табели, смотря по тому, которая изъ двухъ

выше, законъ (п. 2 и 3 прим. 1 къ ст. 177 уст. о пошл.) установилъ два изъятія, разрѣшивъ при исчисленіи пошлинъ брать въ основаніе индивидуальную оцѣнку имѣнія вмѣсто огульной (табельной) или оцѣнки, не относящейся, именно, ко времени облагаемаго пошлиною перехода права собственности (оцѣнки залоговой).

Такая индивидуальная оцѣнка примѣнима во первыхъ къ тѣмъ имѣніямъ, дѣйствительная стоимость которыхъ болѣе чѣмъ на 25% ниже ихъ оцѣнки по табели (п. 2), и во вторыхъ къ имѣніямъ, стоимость которыхъ на тѣ же 25% превышаетъ табельную оцѣнку (пунктъ 3). Въ обоихъ случаяхъ о залоговой оцѣнкѣ законъ не упоминаетъ вовсе, и въ одномъ дѣлѣ недавно возникъ вопросъ, примѣнимы ли эти скидки и накладки оцѣнокъ къ имѣніямъ, заложенымъ въ кредитныхъ установленіяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, если при взиманіи пошлины слѣдовало основываться не на табельной оцѣнкѣ, а на залоговой, какъ болѣе высокой.

Обстоятельства этого дѣла сводились къ слѣдующему.

При утвержденіи М. Н. и гр. Д. д. Т.—Л. въ правахъ наслѣдства опредѣленіемъ П. окружнаго суда наслѣдственныя пошлины съ входящаго въ составъ наслѣдства имѣнія были исчислены по залоговой его оцѣнкѣ въ 38,340 р.

Полтавская казенная палата, руководствуясь п. 3 прим. 1 къ ст. 177 уст. пошл. изд. 1893 г., оцѣнивъ означенное имѣніе въ 48,400 р., начислила дополнительную наслѣдственную пошлину въ размѣрѣ 100 р. 60 к.

М. Н. и гр. Д. д. Т.—К. обратились къ министру финансовъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ этого постановленія каз. палаты и на отказъ министра принесли жалобу въ Пр. Сенатъ.

Первое общее собраніе Пр. Сената нашло, что 1) общій порядокъ исчисленія наслѣдственныхъ пошлинъ указанъ въ ст. 161 уст. о пошл., по коей, впрямь до назначенія должностныхъ лицъ вѣдомства м-ва финансовъ, пошлины эти исчисляются, согласно приложеннымъ къ сей статьѣ временнымъ правиламъ о порядкѣ исчисленія и взиманія пошлинъ по наслѣдственнымъ имуществамъ (законъ 15 іюня 1882 г.), и что Пр. Сенатомъ (по общему собранію 1 и кассационныхъ д-товъ 1893 г. апрѣля 12) установлено, что исчисленіе количества подлежащей ко взысканію наслѣдственной пошлины лежитъ на обязанности судебныхъ установленій, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 8 и 9 врем. прав., по коимъ (въ трехъ случаяхъ) предоставлено и казеннымъ палатамъ составлять расчетъ причитающихся съ наслѣдства или недоплатенныхъ пошлинъ, и что, въ случаѣ представленія наслѣдниками или душеприказчиками возраженій противъ составленнаго казенною палатою расчета, расчетъ этотъ препровождается въ подлежащее судебное учрежденіе для постановленія опредѣленія о взысканіи этихъ пошлинъ; что 2) кромѣ этого общаго порядка исчисленія наслѣдственныхъ пошлинъ, закономъ 19 мая 1883 года (прим. 1 къ ст. 177 т. V, изд. 1893 г.), установленъ особый порядокъ исчисленія казенными палатами дополнительной наслѣдственной пошлины (безъ участія судебныхъ установленій), вошедшій въ п. 3 прим. 1 къ ст. 177 уст. о пошл. изд. 1893 года, и что на постановленія палаты по этому предмету могутъ быть приносимы жалобы, въ административномъ порядкѣ, министру финансовъ; что 3) согласно статьѣ 177 уст. о пошл. законною оцѣн-

кою земель, переходящих безмездными способами признаются: оцѣнка, произведенная для залога въ поземельныхъ банкахъ, или цѣны, показанныя въ особой табели, при статьѣ этой приложенной—смотря по тому, что изъ двухъ выше; въ пунктѣ же 3 примѣч. 5 къ этой статьѣ указано, что по имѣніямъ, дѣйствительная стоимость которыхъ, вслѣдствіе представляемыхъ ими особыхъ условий положенія, состава, качества почвы и т. п. превышаетъ болѣе чѣмъ на 25% цѣну, выведенную на основаніи сей табели, каз. палата начисляетъ дополнительную пошлину по оцѣнкѣ, установленной мѣстнымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ для взиманія земскихъ сборовъ, буде она выше законной, а въ противномъ случаѣ, или если земской оцѣнки не существуетъ, на основаніи имѣющихся въ палатѣ свѣдѣній по соглашенію съ уѣздной земскою управою или губ. распорядительнымъ комитетомъ. Посему и принимая во вниманіе, что, согласно приведеннымъ узаконеніямъ, предоставленнымъ закономъ 19 мая 1883 г. казеннымъ палатамъ особый порядокъ начисленія дополнительной наследственной пошлины можетъ относиться, какъ къ имѣніямъ, не заложеннымъ, такъ и къ имѣніямъ заложеннымъ, но только въ томъ случаѣ, если при исчисленіи пошлинъ въ основаніе будетъ принята табельная оцѣнка, какъ превышающая залоговую; что, въ противномъ случаѣ, при приватіи стоимости имѣнія по залоговой оцѣнкѣ, указанной въ п. 3 ст. 177 уст. о пошл., порядокъ исчисленія дополнительной пошлины (хотя бы и при наличности особыхъ условий: благоприятнаго состава, положенія и качества почвы и т. п.); примѣнимъ быть не можетъ, какъ относящійся лишь къ тѣмъ случаямъ, когда дѣйствительная стоимость имѣній, вслѣдствіе представляемыхъ ими особыхъ условий, превышаетъ болѣе чѣмъ на 25% цѣну, выведенную на основаніи табели, приложенной къ ст. 177 уст. о пошл., при примѣненіи каковой и могутъ быть лишь соблюдены правила, изложенныя въ прим. 1 къ этой статьѣ; что вопросъ о примѣненіи п. 3 ст. 177 уст. о пошл. въ случаяхъ, когда при первоначальномъ исчисленіи наследственныхъ пошлинъ, принята въ основаніе оцѣнка, произведенная для залога въ поземельныхъ банкахъ, можетъ быть разрѣшенъ лишь въ порядкѣ законодательномъ, и что, какъ видно изъ обстоятельства дѣла, наследственные пошлины съ имѣнія Б. были исчислены Полтавскимъ окружнымъ судомъ по залоговой оцѣнкѣ Дворянскаго зем. банка въ 38,340 руб., первое общее собраніе Пр. Сената признаетъ постановленіе Полтавской казенной палаты объ исчисленіи дополнительной пошлины съ имѣнія Б. на основаніи п. 3 прим. 1 къ ст. 177 уст. о пошл. неправильнымъ и лишеннымъ законнаго основанія, а потому *опредѣляетъ*: постановленіе это отмѣнить.

Неупоминаніе закона (п. 3 прим. къ ст. 177) о залоговыхъ оцѣнкахъ само по себѣ можетъ имѣть двойное значеніе: изъ этого можетъ вытекать или то, что фактъ наличности той или другой залоговой оцѣнки безразличенъ для возможности примѣненія оцѣнки индивидуальной, или то, что индивидуальная оцѣнка установлена лишь на тотъ случай, когда залоговой оцѣнки не существуетъ.

То толкованіе, на которомъ остановился Пр. Сенатъ,—непримѣнимость индивидуальныхъ оцѣнокъ къ имѣніямъ, залоговая оцѣнка которыхъ превышаетъ табельную, не противорѣчитъ буквѣ этого п. 3, несомнѣнно, противорѣчитъ цѣли и духу всего примѣчанія къ ст. 177, желающаго замѣнить огульную табельную оцѣнку индивидуальной въ тѣхъ случаяхъ, когда эта огульная табельная оцѣнка рѣзко (болѣе, чѣмъ на 25%) расходится съ дѣйствительною стоимостью имѣнія. Въ пользу толкованія Сената говорить, повидимому, лишь то соображеніе, что Сенатъ, усмотрѣвъ сомнѣніе въ законѣ, истолковалъ его способомъ въ данномъ случаѣ болѣе благопріятнымъ для плательщика налога (во власти казны было *legem appertius scribere*).

Если обратиться къ пункту 2 этого же прим., то нельзя не прийти къ тому выводу, что всякій разъ, что министерство финансовъ признаетъ наличность особо неблагоприятныхъ условий, *понижающихъ* стоимость имѣнія болѣе, чѣмъ на четверть противъ табели, платящій наследственную пошлину имѣетъ *право* требовать соотвѣстнаго пониженія пошлины, ибо по смыслу этого пункта пониженная стоимость является единственнымъ установленнымъ въ законѣ условіемъ для уменьшенія наследственной пошлины. Поэтому, молчаніе пункта 2 о залоговыхъ оцѣнкахъ должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что наличность той или иной залоговой оцѣнки по точному смыслу пункта 2 является совершенно безразличною для вопроса о возможности примѣненія индивидуальной оцѣнки, пониженной противъ табели¹⁾.

Но тотъ пунктъ 3 прим. къ ст. 177, разсмотрѣнимъ котораго въ настоящемъ дѣлѣ ограничился Пр. Сенатъ, стоитъ въ самой непосредственной связи съ пунктомъ 2 этого прим., и по содержанію своему, и по редакціи они вполне аналогичны, входятъ въ составъ одного и того же законодательнаго акта (законъ 19 мая 1883 г. п. IV), не раздѣлены въ немъ даже точкою. Существующіе между пунктами 2 и 3 различія въ *порядкѣ* установленія индивидуальной оцѣнки (превышеніе дѣйствительной стоимости противъ оцѣнки по табели устанавливается казенною палатою, уменьшеніе стоимости — министерствомъ финансовъ; при повышеніи табельной оцѣнки берутъ въ основаніе земскую оцѣнку, при пониженіи эта послѣдняя въ расчетъ не принимается), не могутъ имѣть никакого значенія при разрѣшеніи вопроса о примѣнимости или непримѣнимости индивидуальныхъ оцѣнокъ при наличности залоговыхъ.

Поэтому, если изъ точнаго и несомнѣннаго смысла пункта 2 вытекаетъ, что наличность той или иной залоговой оцѣнки безразлична для примѣненія, въ предсмотрѣнномъ этимъ пунктѣмъ случаѣ, оцѣнки индивидуальной, то необходимо признать, что и для случая, предсмотрѣннаго п. 3 (повышеніе табельной оцѣнки) вопросъ о значеніи залоговой оцѣнки вовсе не остается безусловно открытымъ и допускающимъ любое разрѣшеніе: напротивъ того, по точному смыслу всего прим. къ ст. 177 и въ этомъ послѣднемъ случаѣ наличность залоговой оцѣнки совершенно безразлична для возможности примѣненія оцѣнки индивидуальной.

Поэтому намъ кажется, что толкованіе, данное въ настоящемъ дѣлѣ п. 3 прим. къ ст. 177 уст. о пошл. не только несогласуемо съ духомъ и разумомъ закона 19 мая 1883 г., но противорѣчитъ и точному смыслу этого закона, взятаго въ его цѣломъ.

¹⁾ Имѣніе, несостоящее въ моментъ перехода наследства и трехъ четвертей табельной оцѣнки, можетъ быть оцѣнено при залогѣ и выше табели: въ имѣніи былъ лѣсъ, составлявшій главную его стоимость, и послѣ залога и до открытія наследства лѣсъ сгорѣлъ.